

ОСКАР КВИСТ

ДЕЛО № I:

«ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ»

18+

free writers
MR & MRS PUMPI

QV

ST

PUMPIBOOKS.COM

Mr & Mrs Pumpi

**Оскар Квист. Дело
№1. Потерянное время**

«Издательские решения»

Mr & Mrs Pumpi

Оскар Квист. Дело №1. Потерянное время / Mr & Mrs Pumpi —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904200-2

Даниэль — оператор-натуралист, София — композитор. Эта пара необычайно красива и талантлива, но в то же время у каждого из супругов есть своя потаенная страсть. Встретив друг друга в поисках места под солнцем, они мечтали не расставаться, но их путь к счастью в один «прекрасный» день преградил неумолимый противник. В роковой момент, когда любовь и страх вступили в отчаянное противостояние, все смешалось в жизни этих людей. Расставить все по своим местам берется молодой Оскар Квист.

ISBN 978-5-44-904200-2

© Mr & Mrs Pumpi
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Оскар Квист. Дело №1 Потерянное время

Mr & Mrs Pumpi

© Mr & Mrs Pumpi, 2018

ISBN 978-5-4490-4200-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дебора обожала игру в прятки. Когда Даниэль приехал забирать ее из дома бабушки Аурелии, она так умело схоронилась под диваном, что насилу ее сыскали. Вот и теперь она пряталась в тени огромного рододендрона. Отсюда ей было видно все вокруг: и дом с террасой, утопавший в кущах оливковых и мандариновых деревьев, и тропинку, извилисто сбегавшую вниз к самому океану, и Софию, вышедшую босиком на вымощенную камнем площадку перед домом. Сама же она оставалась невидимой для посторонних глаз.

София уже несколько раз за утро выходила из дому в поисках Деборы и, прикрывая ладонями глаза от солнца, окидывала взглядом сад и прислушивалась.

Пару раз она даже позвала ее по имени, однако Дебора даже не шелухнулась. Скоро София не выдержала и снова скрылась в прохладных недрах виллы: каменные плиты двора уже успели как следует раскалиться на солнце.

Воздух дрожал от стрекотания кузнечиков. Волны нехотя накатывали на песчаный пляж у подножья холма, а чуть дальше у пристани покачивала мачтой белобокая яхта.

Деревца уншиу недавно отцвели, и среди их сочно-зеленой ароматной листвы уже успели завязаться ярко-оранжевые плоды. Эти растения, появившись в Китае, за многие столетия смогли проделать путь сперва в Японию, а оттуда, благодаря вездесущим иезуитским миссионерам, добрались и до Испании.

На веточку кустарника почти над самой головой Деборы уселась горлица. Птица не заметила никого внизу и стала спокойно чистить перья. Одно пуховое перышко плавно опустилось прямо Деборе на нос. Дебора не выдержала и чихнула. Горлица встревожилась и, склонив голову набок, стала вглядываться сквозь листья. Дебора замерла и старалась не дышать, чтобы не спугнуть ее. Вдруг горлица взмахнула крыльями и, коротко хлопнув ими за спиной, перелетела на крышу дома.

Вилла оказалась жилищем с романтическим прошлым. Построена она была, судя по дате, выложенной на мозаичном полу прихожей, в 1890 году. Над парадной дверью красовался герб, в центре которого была изображена оливковая ветвь с сидящей на ней птицей.

По рассказам старой хозяйки, этот дом в два этажа был построен неким пастором Розеусом, который, по всей видимости, был одним из священников в Капилья Дас Ангустиас – барочной церквушки восемнадцатого века с одним нефом и невысокой колокольней, украшенной часами. Он-то и решил возвести себе скромную обитель на берегу океана, чтобы отдыхать от неустанных молитв за свою паству. Хоть и божий, а тоже человек.

У Даниэля была на этот счет своя теория. Первый владелец дома представлялся ему не служителем церкви, а совсем другим персонажем. «Скорее уж этот пастор был вовсе не пастором, а ученым-орнитологом, потому что Pastor Roseus в переводе с латыни означает „Розо-

вый Скворец“. Это не должность и не фамилия человека, а вполне романтическое название самой виллы», – утверждал он.

Но на старуху все эти доводы не возымели никакого действия. Ей казалось, что любая привязка к Святой Матери-Церкви, нежели к какой-то (пусть и божией, но пернатой) твари, значительно больше повышает стоимость виллы. Посему София и Даниэль решили не нервировать пожилую даму, а просто заплатили запрошенную цену, предоставив ей право пребывать в собственных иллюзиях.

Кем бы ни был человек, построивший виллу «Розовый Скворец», он знал толк в выборе мест для возведения архитектурных сооружений. Живописный океанский вид с холма, поросшего корабельными соснами и рошицами самшита, ласкаемыми лучами солнца и умываемыми животворным дождем, давал ощущение полнейшей свободы и благоденствия тому, кто его созерцал, а бездонное ночное небо и мириады огней Млечного Пути были способны подарить покой самой метушейся душе.

Близлежащие окрестности издревле были заселены людьми. Свидетельством тому были многочисленные дольмены, служившие вместилищами погребений и местами служения древним культам. Здесь даже сохранились две римские дороги.

В Средние века вся жизнь галисийского народа была тесно связана с морем, которое не только снабжало обитателей Речных Низовий своими дарами, но и давало возможность торговать со всеми частями света.

Близость этих мест к славному городу Виго способствовала процветанию его обитателей и в эпоху промышленной революции, а величественные природные красоты и идиллические сельские окрестности привлекали странников со всего света и по сей день. Однако все эти метаморфозы отнюдь не нарушали той атмосферы уединения, которая царила на вилле «Розовый Скворец».

Прежние хозяева – семья с четырьмя детьми – мечтали собрать под одной крышей и внуков, а бог даст – и правнуков. Увы, дети выросли и разъехались кто куда, а пожилая чета осталась наедине с садом, в котором неудержимая растительность отвоевывала себе с каждым годом все новые рубежи, и огромной виллой со множеством коридоров и комнат, давно позабывших шлепанье босых детских ножек по прохладным вытертым дубовым доскам пола.

Старая обитательница недавно овдовела и была более не в силах содержать всю эту великолепную усадьбу в надлежащем порядке, а потому решила продать опустевшее фамильное гнездо, чтобы уехать доживать свои дни в Больё-сюр-Мер, где прошло ее детство.

Деборе стало скучно, но идти в дом совершенно не хотелось. Хоть птиц в саду больше не было видно, все-таки интереснее было рассматривать небо сквозь просветы в зеленом шатре огромного куста. Однако, когда в небе над океаном пролетел самолет, Дебора поняла: сегодня он придет. Она что было прыти помчалась в кухню, откуда доносилось тихое позвякивание столовых приборов.

София порхала вокруг обеденного стола и сервировала его. Окна на кухне были широко распахнуты, ветер то и дело трепал занавески и норовил приподнять подол легкого платья Софии, на что огромные маки в вазе посреди стола неодобрительно покачивали своими головками. София, казалось, не обращала внимания на шалости ветра. Лицо ее озаряла улыбка, одновременно безмятежная и полная предвкушения.

– Ну вот, все уже готово! – сказала София, удовлетворенно окидывая взглядом накрытый стол, и, обернувшись к Деборе добавила, – Раз уж и ты заметила самолет, тогда тащи свой поводок! Мы идем гулять.

При слове «гулять» сердце Деборы радостно затрепетало, хвост колечком заходил ходунком, и она со звонким лаем помчалась в прихожую за поводком.

Они вышли на Руа де Портосело и двинулись в сторону парка Монтеферро. Дебора, как заправская ездовая лайка, тащила Софию на буксире, успевая между делом обнюхивать обе

обочины дороги. Среди корабельных сосен, из которых в былые времена делали мачты для кораблей Христофора Колумба, и нежно зеленевших папоротников раздавалось пение каких-то пташек, а на нагретых солнцем лужайках стрекотали невидимые кузнечики.

День был такой безмятежный, полный неги и музыки. Она рождалась в голове сама собой! Захотелось скорее побежать домой, сесть за фортепиано и наиграть удивительную мелодию, услышанную в роще, но в то же время так жаль было пропускать хоть один из чудных звуков, извлекаемых Эолом из его волшебной невидимой арфы. Они двинулись дальше, слушая пение ветра, прикосновения которого, словно пальцы античного божества, заставляли сосны трепетать.

Обогнув серую гранитную глыбу монумента на вершине холма, София, увлекаемая четвероногой спутницей, двинулась на юг. Там у обрыва стояло несколько каменных скамеек, откуда открывался прекрасный вид на неразлучную пару островов Эстелас. София присела на теплый гранит скамьи и стала глядеть вдаль.

Синяя толща воды здесь и там вспенивалась, волны тягуче наплзали на прибрежные камни, затем лениво откатывались с глухим рокотом. София любила океан. Стоя над обрывом и глядя на бескрайнюю зыбь, она представляла себя верной возлюбленной капитана бригаантины, бороздящей Атлантику по пути в родной порт Понтеведры. Эта мысль всегда будоражила ее воображение. Разве можно с чем-то сравнить сладость долгожданной встречи со смуглым, опаленным солнцем южных морей, путешественником? Разве есть что-то упоительнее того, чтобы запустить пальцы в его густые иссиня-черные волосы и, притянув его голову к себе, впиться жарким поцелуем в его соленые от морского бриза губы? При этой мысли сердце тяжело и глухо начинало биться, по телу разливалась истома, а между ног становилось горячо и влажно.

Лай Деборы привел Софию в чувство: собака лежала в позе сфинкса из Гизы, шуря янтарные глаза, вывалив розовый язык между белоснежными клыками и часто-часто дыша.

– Пойдем к воде. Тебя надо бы остудить, а то ты расплывишься, – спохватилась София.

Несмотря на близость океана, июльский зной давал о себе знать. Дебора и ее хозяйка устремились вдоль скалистого берега в сторону дома.

Дойдя по тропинке до небольшого песчаного пляжа за их собственным садом, София притомилась и присела на один из врытых в песок камней. Ветра и прибой тысячелетиями пытались раскрошить этот обломок скалы, но сия битва была еще далека до завершения. Чуть дальше волны и сейчас лизали испещренные трещинами и впадинами валуны, с обеих сторон ограждавшие полосу песка.

Метрах в десяти от берега на волнах отдыхали три серебристые чайки. София спустила собаку с поводка, и та пулей бросилась в воду. Несколькими размашистыми прыжками Дебора преодолела мелководье и, взметнув над собой облачко радужных бликов, решительно ринулась на чаек.

Подпустив собаку почти вплотную к себе, птицы расправили крылья и почти вертикально взмыли вверх. С полминуты они покружили над плавающей под ними собакой и неторопливо взяли курс на скалы Сан Мартино. Дебора, вертя головой по сторонам, описала по воде несколько знаков бесконечности и, схватив в зубы кусок деревяшки в качестве добычи, выбралась на берег.

– Только не возле меня! – воскликнула София, но было уже поздно: довольное животное от души встряхнулось, обдав замечтавшуюся хозяйку солеными брызгами.

– Ну вот... Теперь я вся мокрая, да еще в водорослях. Эх, Дебби-Дебби... Какая же ты балда! Дай, я тебя на поводок возьму. Скорее бы Даниэль уже занялся твоим воспитанием.

Дебора Даниэля обожала. Услышав имя хозяина, питомица встрепенулась и со всех лап кинулась бежать с щенячьим повизгиванием вдоль кромки воды. София проводила взглядом собаку, оставлявшую позади себя цепочку следов на мокром песке, которые тут же слизывали

набегавшие волны. А на встречу Деборе со стороны переуллка уже спускалась высокая мужская фигура с огромным рюкзаком за спиной.

– ¡Ola, miña amor!¹ – сбросив свою ношу прямо на песок и раскинув руки, словно крылья альбатроса, и озаряя все вокруг пробивающейся сквозь недельную щетину улыбкой, к Софии несся Даниэль!

Она только и успела, что протянуть к нему обе руки, как вдруг закружилась в воздухе, подхваченная вихрем объятий единственного на свете и долгожданного капитана. Собака, обезумевшая от счастья (впрочем, как и всегда при виде хозяина), то вертелась волчком, то прыгала вокруг них и, казалось, жаждала лизнуть в нос их обоих одновременно. В какой-то момент Дебора стреножила Даниэля своим поводком, и тот, увлекая за собой Софию, повалился на песок.

И София, и Даниэль хохотали, катаясь по песку, а заразительно веселый собачий лай только подливал масла в их горячее и искреннее счастье. Их влекло друг к другу, как бывает только с самыми страстными и преданными любовниками. Даниэль сел, а София обняла его сзади и стала целовать его шею.

– Боже мой! Какой-же ты сладкий!

– Это ты моя сладкая, как персик, а я просоленный всеми морскими ветрами сухарь.

– Ну уж позволь мне самой судить: если говорю «сладкий», значит сладкий. Не спорь. Я всегда права.

– Как же мне повезло с тобой, Софи. Ну кто еще на всем белом свете сможет так встретить меня из экспедиции?

– Кстати, об экспедиции. Как все прошло?

– Экспедиция... – Даниэль как-то невесело усмехнулся.

София по лицу мужа поняла, что в поездке что-то пошло не так. На миг взгляд Даниэля потемнел, меж бровей пролегла хмурая складка. Он тряхнул шевелюрой, словно прогоняя какое-то неприятное воспоминание, цокнул языком и ответил уже беспечным тоном:

– Хватило с меня в этот раз, наснимался досыта. Команда дерьмовая попалась. Но материал получился эксклюзивный. Весь месяц монтировать предстоит!

София знала, что Даниэль обязательно сам расскажет ей все, когда решит, что пора. Она была единственным человеком, от которого он никогда ничего не скрывал. Просто иногда ему требовалось время, чтобы разложить у себя в голове произошедшее с ним. Да и не особенно ей хотелось слушать все эти байки о странствиях на чужбине. Она просто наслаждалась созерцанием своего возлюбленного: пышущего силой и энергией мужчины.

– Ох уж мне твои чертовы съемки! Будь моя воля, я вообще бы тебя не отпускала никуда. Заперла бы тебя в доме, а гулять водила бы, как Дебби, – на поводке.

– Ну и фантазии у тебя, надо признать! – засмеялся Даниэль.

– Учти, что изголодавшаяся женщина может еще не то себе нафантазировать. А я за эти три недели уже монашкой себя вообразила и сейчас намерена решительно наверстать упущенное. Так что, пока не отработаешь свой супружеский долг, о монтаже можешь и не мечтать.

София приложила указательный палец к губам Даниэля и выразительно подмигнула ему. Тот нежно ухватил пальчик жены своими ровными белоснежными зубами и не менее выразительно подмигнул ответ.

– Господи, ну где сыщешь еще такую жену? Не женщина, а подарок судьбы!

Даниэль усадил Софию себе на колени. Собака наконец-то утомилась и привалилась мокрым боком к ногам хозяина.

– Расскажи уже, как продвигается твое творчество, – попросил Даниэль.

---

¹ Привет, любовь моя! (галис.)

София прижалась губами ко лбу мужа, потом, чуть отстранившись, с обожанием оглядела каждую черточку его лица и со сдавленной страстью прошептала ему на ухо:

– Какое к черту творчество! В такую погоду оно просто испаряется, и хочется только трахаться с тобой и иногда лопать фрукты, а в перерывах между сексом и едой просто валяться голый с тобой в постели и целоваться. Именно этим мы сейчас же и займемся!

Глава 2

Она ждала этого момента с самого отъезда мужа. Взмокшие после долгожданной близости, любовники повалились навзничь на кровати, пытались восстановить дыхание. Закатное солнце сквозь распахнутое окно косыми лучами золотило их обнаженные тела. Повернув лица друг к другу, София и Даниэль блаженно улыбались.

– Софи, спасибо тебе! – промолвил Даниэль.

Голос его звучал хрипло от недавней страсти.

– Что, так классно трахаюсь? – с притворным изумлением спросила София.

– И за это тоже.

Он облизнул пересохшие губы, повернулся на правый бок и, подперев голову одной рукой, другою стал ласкать розовые соски жены. Под его пальцами они затвердели. Ей стало щекотно, и она отвела его руку.

– За что же еще?

– За то, что ты есть в моей жизни. Ты единственный человек на свете, с кем я могу быть самим собой.

– Тебе нужно почаще быть самим собой.

– По-твоему, я обычно сам не свой?

– Ты сам сказал, что настоящим ты бываешь только со мной рядом. Вот только в последнее время ты пропадаешь в этих чертовых экспедициях. Делай выводы.

– Я же документалист, съемки диких мест – это мой удел.

В ответ на это жена пихнула мужа ладонью в грудь. Даниэль откинулся на спину, а София тут же оседлала его чресла. С минуту она гипнотизировала поверженного супруга взглядом, а потом, вскинув бровь и закусив алую губку, выдала:

– Если кто-то подзабыл, то я могу освежить его память: твой удел – быть моим. А значит – быть самим собой, то есть быть подле меня и меня ублажать. Ясно тебе? И никаких возражений!

Даниэль заулыбался.

– И нечего скалиться. Я, между прочим, серьезно тебе это говорю.

– ¡Sí, señoга! Слушаюсь и повинуюсь!

София театрально закатила глаза к небу.

– Знаю я твои повиновения! Через месяц опять ринешься спасать очередную ожившую ископаемую лягушку где-нибудь в предгорьях Гималаев. А мне опять останется лишь грезить о моем смуглом капитане.

– Вообще-то я решил оставить операторскую работу.

Даниэль вдруг посерьезнел и, мягко ссадив с себя Софию, поднялся с постели, подошел к окну и оперся обеими руками о подоконник.

София с тайным вождением уставилась на его крепкие ягодицы, белевшие на фоне загорелых ног и широкой спины профессионального пловца.

Она поймала себя на мысли, что хочет поцеловать именно эту часть его тела, но вслух произнесла:

– Так я тебе и поверила.

– Честно.

– Серьезно?

– Вполне.

– И с какой это стати, позволь полюбопытствовать?

Даниэль набрал было в грудь воздуха, чтобы ответить, но заколебался и с горечью выдохнул.

– Что-то случилось, Даниэль?

Где-то в глубине живота у Софии шевельнулось беспокойство. Еще при встрече на пляже она поняла, что в поездке нечто стряслось. И, раз уж это нечто смогло заставить мужа бросить операторскую карьеру, игнорировать это нельзя было ни в коем случае.

В комнате повисло тягостное молчание. Даниэль продолжал стоять, опершись руками на подоконник. Затем забарабанил пальцами по гладкому лакированному дереву. За пять лет супружеской жизни София вполне изучила язык тела своего избранника. Это дробное постукивание совершенно точно означало, Даниэль не на шутку чем-то расстроен.

Молчание начинало затягиваться, однако София сперва решила повременить с расспросами и дать мужу время собраться с мыслями и выложить все как есть. Даниэль все стоял к ней спиной. Вдруг он понурил голову, и София увидела, как о подоконник ударились крупная капля.

Даниэль плакал. Этого София вынести уже не могла: она подбежала к нему и обвила сзади руками его торс. Он мягко высвободился, повернулся к жене. По-детски шмыгнув носом, Даниэль растер слезы себе по лицу и улыбнулся.

– Не переживай, любовь моя. Это, видимо, разрядка после долгого напряжения. Поездочка выдалась на редкость драматичной.

– Расскажешь?

– Да, собственно, приключилась со мной самая обычная история, каких, наверное, в горах каждый день по сто штук происходит...

Даниэль подхватил Софию и перенес снова на кровать, а сам уселся, положив подбородок на колени и обхватив их руками.

– Как ты помнишь, в этот раз я хотел найти и отснять в диких условиях снежных барсов, вот и напросился в группу оператором. Эти товарищи собирались заниматься мониторингом численности этих кошек на самой границе Казахстана с Китаем, в Джунгарском Алатау.

Даниэль помолчал, а потом со вздохом продолжил:

– Барсов самих я так и не увидел, только следы на снегу, да экскременты с неперева-ренными зубами сурков. Видно, что хищники если были в тех местах, то с месяц назад ушли дальше. За все время только медведицу с медвежонком увидел. Они на противоположном склоне ущелья были, какими-то корешками лакомились. Кадры удивительные получились! А вот куда именно подевались барсы, так никто и не смог мне объяснить. Во всей группе по-английски толком никто не разговаривал. Изъяснялись все больше жестами и мимикой. Глупо, конечно. Но кое-как промотались по горам в таком режиме две недели.

– Ума не приложу, отчего тебя вечно тянет во всякие медвежьи углы. Мало ли что там произойти может, тебе в голову это не приходит?

– Просто именно в этих углах только и встретишь исчезающих зверей. Их опасаться особо не стоит, животные в тех краях давно стараются не попадаться на глаза человеку.

– А я вовсе не из-за животных переживаю, а как раз-таки из-за людей. Вот с ними-то надо быть начеку. Ты вечно думаешь о людях лучше, чем они того заслуживают, а потом плачешь и этим разбиваешь мне сердце.

Даниэль изумленно уставился на Софию. Ее природное умение чувствовать малейшие перемены в настроении, тембре голоса, жестах окружающих поражали его с самого момента их знакомства. Он был для нее как открытая книга, о чем София в очередной раз ему напомнила. Так и теперь он открыл было рот, чтобы сказать хоть слово в свое оправдание, но, поразмыслив, признал правоту супруги.

– Не знаю, как у тебя это получается, но ты опять угадала.

– Не угадала, а прочитала это все по твоей физиономии. Ты слишком искренний человек и врать не умеешь совершенно.

– Да у меня и в мыслях не было...

– Знаю, любовь моя. За это я так тебя и обожаю. Твою любовь я тоже всегда чувствую. Просто иногда ты хочешь оградить меня от чего-то плохого, чему ты невольно стал свидетелем. Разве не так?

– Так.

– И я бесконечно благодарна тебе за это. Однако ты все равно мне все расскажи. Пока не выговоришься, не полегчает. Мне ли не знать.

Даниэль взял руку жены и благодарно прижал ее пальцы к своим губам.

– А кто был в вашей группе? – спросила София.

Даниэль, ободренный словами жены, продолжил свой рассказ.

– Водитель, специалист по мониторингу, и какой-то молодой парень – то ли практикант, то ли еще кто. Ну и я. Больше в наш старенький джип никто и не влез бы. Не знаю, как вообще эта развалюха передвигалась, да еще по горным дорогам, но, так или иначе, нас занесло к какой-то зимовке, где ютились несколько пастухов с отарой овец. Как мне удалось понять, мы находились неподалеку от места Арканкерген, где несколько лет назад произошла загадочная история с убийством четырнадцати пограничников и одного егеря. – Даниэль потер лоб тыльной стороной ладони. – Поговаривали, якобы один из солдат перестрелял своих товарищей из автомата, а потом сжег всю заставу дотла. Уж не знаю, что там случилось на самом деле, но мне стало слегка не по себе от всех кровавых этих сплетен.

София внимала мужу с настороженностью, ожидая после каждой фразы какого-нибудь резкого и драматичного поворота сюжета. Между тем рассказ Даниэля тек дальше.

– Гнетущее впечатление, среди прочего, на меня производило постоянное и даже назойливое внимание к моей персоне со стороны тех самых пастухов, которые дали нам ночлег. Старшему из них – седому смуглому прокуренному казаку – было лет за шестьдесят. Другому я бы дал лет сорок пять, хотя мне сказали, что ему нет и тридцати. У этого типа был переломан нос, как у боксера, и разило от него, как из выгребной ямы. – Даниэль сморщил нос, будто вновь учуял миазмы. – Глядели оба на меня недобро с самого начала, ощупывали глазами с ног до головы, словно примериваясь, чем бы поживиться, предварительно прирезав меня во сне. Тот, что помоложе и повонючее все время интересовался моей камерой и норовил взять ее в руки. Я жестами дал понять, что этого делать не стоит, потому что техника хрупкая. Ему мой отказ явно пришелся не по вкусу, но тогда меня это мало заботило. Я был занят размышлениями о том, смогу ли я спать под одной крышей с таким вонючим субъектом, и в итоге решил устроиться на ночь в машине, укутавшись в спальный мешок в обнимку с камерой и прочими ценными вещами.

В спальню, цокая когтями по полу, вбежала Дебора и завалилась на пол кверху брюхом возле Даниэля. Тот спустил одну ногу с кровати и бережно погладил ее собаку по розовому животу. Деборе это явно нравилось.

– Ко мне она никогда так не ластится, – сказала София. – Со мной она только в прятки по саду любит играть и сыр выпрашивать.

– Да уж, Дебби с нами просто повезло, что и говорить. А вот в горах собакам приходится несладко...

– Так что же было дальше?

Даниэль снова замаялся, но все же решил довести свое повествование до конца.

– Электричества в горах на такой высоте нет, а темнеет рано. Скроется солнце за снежным пиком, и мрак сразу наползает на наш лагерь.

– Наверно, там еще и холод собачий по ночам?

– Да, днем припекает будь здоров, а по ночам даже летом снег может выпасть. Пока я размышлял, как мне получше да поудобнее припрятать свою аппаратуру на ночь, меня окликнул наш водитель и позвал в дом. Я было стал отнекиваться, но уж больно он был настойчив. Внутри дома имелась одна единственная комната с голыми выбеленными стенами, пол был застелен разномастными коврами, в дальнем углу лежала куча подушек и одеял. В центре вокруг низенького столика на полу сидели оба пастуха и вся наша команда. Лица их освещались светом керосиновой лампы. Не знаю, что они там в нее залили, но воняла она отвратно.

– Бедный твой нос! – с сочувствием воскликнула София.

– И не говори, любовь моя. Однако это было лишь началом испытаний всех моих чувств. Водитель наш подвинулся, освободив местечко у стола и для меня. Я подсел, мне сунули маленькую фаянсовую пиалу с выщербленными краями. Она наполовину была наполнена мутной бурой жижей. Мне дали понять, что это чай. Я где-то прочел перед поездкой, что казахи специально наливают чая от силы на полчашки. Вроде бы, наполненная до краев чашка означает, что хозяин хочет тебя поскорее спровадить. При этом самому просить долить чаю в чашку считается неприличным. Сказать по правде, меня от одного вида этой жидкости замутило. Оказалось, они туда плеснули прокисшего молока, так что выпить даже полчашки было выше моих сил. Кое-как я пригубил этого «чая» и, сославшись на усталость ушел спать в машину.

– Чует мое сердце, ты нанес страшное оскорбление этим пастухам, которое можно было смыть только кровью! – с преувеличенным драматизмом произнесла София.

– Ты даже не подозреваешь, насколько ты близка к правде в своих предположениях, Софи!.. – с горечью ответил Даниэль.

София снова посерьезнела и стала с нескрываемым беспокойством ощупывать и осматривать супруга:

– Они, надеюсь, не полезли в драку? Не поранили тебя?

– Куда им со мной тягаться! Я их голыми руками придушил бы. Кровь, увы, пролилась, но...

Глаза Софии округлились от волнения, она сжала губы и съежилась, как в ожидании удара.

– ...к счастью, не моя, – закончил со вздохом Даниэль.

Из груди Софии вырвался стон облегчения.

– Даниэль, не томи! Мои нервы уже и так на пределе.

Даниэль, притянул к себе жену и прижал ее голову к сердцу.

– Если хочешь, можно забыть эту дурацкую историю.

– Нет уж, рассказывай до конца, а то не смогу уснуть всю ночь.

– Ну ладно, слушай сию печальную повесть дальше. Я забрался на заднее сиденье нашего джипа, залез в спальник, как в кокон, под голову положил рюкзак с камерой и тут же заснул.

Спал я чутко, но до самого утра никаких посторонних звуков до моего слуха не доносилось. Еще затемно скрипнула дверь в доме. Я приподнялся и выглянул наружу.

– И кто же там бродил? – с замиранием сердца спросила София.

– Окна джипа за ночь подернулись инеем, и я смог разглядеть только силуэт. Он крадучись двигался мимо машины и, на миг задержавшись прямо возле задней двери, скрылся в тумане. Я готов был поспорить, что это был тот самый молодой пастух с кривым носом.

– По запаху определил?

Даниэль усмехнулся и кивнул.

– Наутро он яростно отрицал свои ночные бдения, хотя я точно знал, что это он ошивался возле машины. А в тот момент я снова лег и, пригревшись, проспал до тех пор, пока наш водитель не сел за руль и не стал прогревать двигатель. Я выбрался из машины, умылся ледяной водой из бочки и сразу взбодрился. За домом были какие-то кусты, и я пошел туда, чтобы отлить, и тогда заметил поодаль двух привязанных к разломанной телеге собак. Они с отрешенным видом лежали, поджав под себя лапы и косились на меня. Кадр был интересный, и я решил сбегать к машине за камерой и заснять их. Я установил штатив, настроил камеру и включил запись. Вдруг в видеоискателе я увидел фигуру кривоносого пастуха. Он заслонил собой собак, я поднял голову от объектива и тогда заметил, что у этого мерзавца в руках двустволка.

София вскинула руку к лицу и зажала себе рот ладонью, тихо всхлипнув. А Даниэль, словно стараясь побыстрее извергнуть из себя отравлявшие душу воспоминания, на одном дыхании выпалил:

– Пока я сообразил, что происходит и успел что-либо предпринять, этот подонок вскинул ружье и выстрелил одной из собак в голову. Бедная псина рухнула замертво, а вторая собака с воем заметалась на привязи, пытаясь насколько возможно прижаться к земле и не попасть под выстрел. Я бросился к убийце, но нас разделяло метров тридцать, и, пока добежал, грянул второй залп. Вой собаки оборвался, но еще несколько раз эхом отразился от скал.

– Боже... – в ужасе прошептала София.

– Кажется, я орал во всю глотку все ругательства, какие-то только знал. Когда я подлетел к косорылому, тот нацелил ружье на меня. Это было последней каплей: я схватился обеими руками за ствол, отводя дуло вверх. Он стал вопить что-то на своем наречии, пытаясь вырвать ружье. Меня обдало его смрадным дыханием, а потом эта тварь плюнула мне в лицо. Тогда я отклонился назад и с размаху дал ему лбом в нос. Этот *fillo de puta*² сразу обмяк и повалился на землю, как мешок с дерьмом. Да это и был мешок с дерьмом.

Даниэль устало выдохнул и умолк. В комнате стало совсем темно, и София уже не могла разглядеть лица мужа. Только белки его глаз смутно просвечивали сквозь густой мрак.

– Бедные животные!.. Представляю, каково тебе было, любовь моя! – София погладила мужа ладонью по небритой щеке. – Откуда вся эта жестокость только берется в людях? Помоему, этот гад просто взелся на тебя за то, что ты его отшил.

– Мне тоже так показалось.

– А что другие? Неужели они не слышали выстрелов?

– Все они слышали. Защитнички животных! Барсов они сохраняют... Как же! Даже двух собак не смогли защитить от садиста. Точнее, просто побоялись. После этого инцидента мы практически сразу уехали оттуда. «От греха подальше!» – сказал практикант. Водитель наш всю дорогу возмущался и недовольно тыкал пальцами в мою сторону. Практикант с горем пополам переводил мне его тираду. По его словам, пастухи обнаружили ночью в ущелье несколько убитых овец и решили, что это собаки их загрызли. Я сказал, что не верю этим рассказам. Как я выяснил позже, такие расправы – обычное дело в тех местах. Собак несчаст-

---

² Буквально: «сын шлюхи», сукин сын (галис.).

ных просто решили пристрелить, потому что пастухам надоело их кормить. Кормить! Да их вообще никто никогда не кормит. Эти собаки – парии, сами себе пропитание находят. Овец никогда не трогают, роются в отбросах со стола хозяев, ловят крыс и всех, кого могут сцапать. Но овцы для них табу.

– Собственно, об этом я тебе и говорила. Когда ты куда-то надолго уезжаешь, я очень сильно переживаю за тебя. К тому же я становлюсь совсем беспомощная в твоё отсутствие.

– Ты же знаешь, что я всегда вернусь к тебе, Софи.

– А вдруг однажды ты снова где-нибудь в горах или в степи наткнешься на такого же ублюдка с ружьем, только выстрелит он не в собаку, а в тебя? Что тогда мне делать? Я ведь даже не знаю, как и где тебя искать.

– Ну, такое вряд ли произойдет. Я ведь решил оставить свои съемки и разъезды.

– Хотелось бы надеяться, но тебе придется доказать это на деле.

– Ты мне не веришь?

– Верю, что ты этого хочешь. Вот только сможешь ли ты усидеть на месте, когда очередной плохой человек на другом конце планеты обидит какую-нибудь животинку. Помнишь, что тебе тогда в галерее сказала Эмилия?

– Не помню.

– У тебя, я заметила, память вообще избирательная. Все вы мужчины такие! Помните только о том, что вас волнует. А то, что волнует тех, кому вы дороги, для вас не так уж и важно.

– Дорогая, ты же знаешь, что для меня нет никого и ничего на свете важнее тебя. Просто иногда какие-то мелочи вылетают из моей головы. Так, о чем же таком важном болтала Эмилия?

– О том, что всех тебе не спасти, Даниэль.

Он свесился с кровати и потрепал собаку за ухом. Дебора блаженно ослабилась и застучала по полу хвостом.

– Ты как всегда во всем права, Софи. И я очень счастлив, что ты моя жена. Повезло нам, что мы не в Казахстане и у нас такая классная хозяйка, правда, Дебби? – сказал Даниэль.

Собака подскочила на ноги, встряхнулась и принялась лизать лицо хозяина.

– Теперь иди умывайся с мылом, а то твоя любимица где только ни ползала сегодня. Микробы ее мне без надобности, так и знай! Марш в ванную! – с притворной строгостью заявила София.

Когда Даниэль, обмотанный полотенцем вокруг талии, снова явился в спальню, благоухая свежестью и чистотой, София решила, что и ей не помешали бы водные процедуры. Она вошла в ванную комнату и открыла кран, чтобы наполнить свою белоснежную купель. По ее телу пробежали сладкие мурашки, когда она опустила в нее сначала одну точеную ножку, затем вторую, а после погрузилась и вся целиком. Прикосновение горячей воды к ее фарфорово-молочной коже доставляло неизъяснимое наслаждение. София обожала такие моменты. Нега разливалась по всему телу, и ей начинало казаться, что она – Афродита Анадиомена, укутанная густой ароматной пеной.

Ванная комната была самым светлым помещением во всем доме: панорамное окно открывало прекрасный вид на океанский простор и, казалось, впускало за день столько солнца, что София во время купания никогда не зажигала электричества. Только в самый поздний час, когда последние отблески нырнувшего в океан солнца таяли в сумерках, в ванной зажигались толстые свечи и озаряли теплым светом купель. Фитили свечей, разгораясь, слегка потрескивали от водяного пара, пламя слегка подрагивало, и малейшие его колебания вырисовывали на стенах силуэты сказочных персонажей. Когда же вода начинала остывать, купальщица вылезала, укутывалась в розовый махровый халат и закручивала мокрые волосы в тюрбан из полотенца. В таком виде она напоминала Даниэлю фламинго.

Еще до встречи со своей будущей женой он оказался в одной из экспедиций на озере Накуру в Кении. В этом месте испокон веков гнездилась самая крупная колония малых фламинго. На обширном мелководье к востоку от Великой Рифтовой долины миллионы птиц находили себе пищу и строили свои незатейливые гнезда в виде невысоких пирамидок из ила и глины с подобием кратера на вершине. В каждом из таких углублений пара фламинго откладывала одно яйцо. Когда настало время птенцам вылупляться, на свет разом появлялось множество пушистых сереньких комочков на голенастых лапах. Родители по очереди возвращались к гнезду, чтобы покормить свое чадо, безошибочно находя его по голосу среди тысяч других птенцов.

В тот год из-за засухи озеро сильно обмелело, и место гнездования, обычно окруженное водой, оказалось посреди пустыни. Взрослые птицы, привыкшие держаться у воды, вынуждены были откочевать за несколько километров от своих гнезд в поисках пищи. Подросшим, но еще не вставшим на крыло птенцам пришлось идти пешком по дну высохшего озера вслед за своими родителями. Они шли стайками по нескольку дюжин, как призрак в колыхающемся море, оставляя в пыли на растрескавшейся земле цепочки перепончатых следов. Солнце палило нещадно, многие молодые птицы падали от усталости и становились жертвами марабу и стервятников. Это разбивало сердце Даниэлю, но так уж устроено в природе, что падальщикам тоже надо что-то есть. Стайки птенцов фламинго все заметнее редели, чем ближе они были к заветной кромке воды. Казалось, еще рывок – и они спасены. Однако их подстерегала еще одна опасность: вокруг съезжившейся, словно шагреновая кожа, глади озера образовалось широкое кольцо влажной глины и ила. Голенастые лапки птенцов вязли в этой предательской прибрежной грязи, и молодые фламинго, изможденные длительным переходом, окончательно выбивались из сил. Из-за высокой концентрации солей и других минералов грязь, высыхая, скрывала их лапки твердыми наростами. Чем дальше продвигались птенцы, тем тяжелее были их кандалы, похожие на пушечные ядра. Многие фламинго обессилевали, не доходя до воды каких-то пары десятков метров.

Даниэль, снимавший эту борьбу за жизнь на пленку, не выдержал. Он поставил камеру на штатив, а сам достал из кармана свой швейцарский перочинный нож и бросился высвобождать птенцов из их гипсовых оков. Даниэль работал до темноты, но и ночь была ему не помехой. Он бродил с фонариком, выискивая тех фламинго, кому еще можно было помочь. Даже хохотавшие в ночном мраке гиены не могли его остановить.

Когда утренние лучи озарили озеро Накуру, вконец изможденный Даниэль сидел возле штатива с камерой, весь перемазанный глиной, илом и птичьим пометом, и слушал гомон огромной розово-белой массы фламинго, пополнившейся пятью сотнями спасенных за ночь птиц.

Тогда ему казалось, что более беззащитных существ на Земле не существует. Но он ошибся. Ведь потом он встретил любовь всей своей жизни. Когда Даниэль смотрел на Софию, то на него наваливалось чувство неизбежного одиночества, которое он никак не мог себе объяснить. Сердце до краев наполнялось сладкой щемящей нежностью, и ему страшно хотелось позаботиться об этом прелестном и трогательном создании.

София садилась за туалетный столик, расчесывала волосы, умащивала тело благоухающим лавандовым кремом и наносила на лицо разнообразные маски. Даниэль каждый раз чрезвычайно умилялся такому ее виду и норовил поцеловать жену, из-за чего нос у него оказывался измазан, как у Дебби, когда та вылизывала баночку из-под йогурта. Даниэль смотрел на все эти пузырьки, бутылочки и тюбики и восклицал:

– Как ты вообще разбираешься, где тут что и для чего вообще это нужно!?

София, нисколько не смущаясь, отвечала ему:

– Здесь нет ничего сложного, я тебе сейчас все объясню.

За этим следовала неспешная и обстоятельная инструкция по применению кремов, масок, бальзамов и всевозможных масел; не были обойдены вниманием и лосьоны, мицеллярные и термальные воды, равно как и загадочные «метеориты» и пудры. Через минуту-другую Даниэль обычно закатывал глаза к потолку и падал навзничь на кровать, обессиленный нескончаемым потоком самых вдохновенных парфюмерных эпитетов и косметических сравнений.

Порой, упиваясь тихой радостью вновь обретенного ею счастья, София часами просиживала перед большим напольным зеркалом в созерцании собственного отражения. Ее воображение ласкала и будоражила одновременно мысль о том, что она желанна и любима своим мужем, что однажды раз и навсегда всем роковым галисийским смуглянкам ее избранник предпочел матово-молочную нежность ее тела, которое трепетало, как лепесток сакуры от его жарких прикосновений. В такие минуты Софию охватывало непреодолимое влечение к Даниэлю. Томная нега уступала место неистовой страсти, теснившей ее грудь. Ей хотелось отдаться ему без остатка. В начале их совместной жизни эти изливания супружеской ласки заставляли Даниэля врасплох, однако он быстро и безошибочно научился узнавать ту едва сдерживаемую животную страсть в глазах жены, которая после длительной разлуки океанской волной обрушивалась на него.

Глава 3

Утро выдалось туманным. Даниэль проснулся еще до того, как птицы огласили сад первыми трелями. Он озяб, потому что жена, ворочаясь ночью на постели, плавно стащила с него все одеяло. Сейчас она, как спеленутое дитя, мирно посапывала рядом. Даниэль тихо сел на краю кровати и провел ногой по теплему лоснящемуся боку Дебби. Она вскинула голову и замолотила хвостом по полу. Даниэль приложил палец к губам и указал ей глазами на дверь. Затем быстро натянул шорты и футболку, тихо вышел из спальни, предоставив Софии досматривать сладкие утренние сны, и вместе с неотступно следовавшей за ним собакой спустился во двор.

У стены, весь поблескивавший от росы, стоял велосипед. Даниэль вытер краем футболки седло и, взяв Дебби на сворку, выкатил велосипед за ворота. Усевшись поудобнее, онскомандовал «¡Arge!»³, и собака, словно заправский ездовой хаски, бодро взяла с места и помчалась, увлекая за собой велосипедиста навстречу восходящему солнцу.

Они резво прокатились по извилистым улочкам вдоль пустынных пляжей. В тумане над дорожным полотном, словно привидения, кружили чайки. Птицы то и дело опускались на проезжую часть, торопливо что-то склевывали с асфальта и снова частыми взмахами белых крыльев поднимались в воздух.

Когда собака домчала хозяина до Прайя да Мадорра, он спустил ее с поводка. Псина припустила поперек широкой полосы мокрого песка прямо к воде, оставляя за собой пунктирную линию следов. Даниэль припарковал свой велосипед у Бодегона де Миньо и пошел к воде, где на мелководе резвилась его четвероногая подруга. Все равно погребок, хозяином которого был его приятель, открывался только через четверть часа. Так что Даниэль и Дебби всласть успели поиграться с палкой на пляже.

Когда скрипнул засов открывающейся двери, Даниэль привязал Дебби у входа в погребок, а сам зашел внутрь. Дверь за барной стойкой была открыта, и взгляд любопытного посетителя мог проникнуть в самое нутро заведения. Хозяин бодеги суетился на кухне и что-то месил в большом металлическом тазу.

– Доброе утро, Энрике!

– Охо, да это ж наш блудный сын Даниэль! Ну, раз уж ты решил заглянуть к нам, утречко и впрямь отличное. Как всегда, за нашим фирменным «Сантьяго»?

– В точку!

---

³ Вперед! (исп.)

– Погоди чуток, еще не подоспел. Минут десять, и будет готов. Небось, торопишься к своей прекрасной женочке? Обожди, дай торту настояться. Это стоит потраченного времени. Как знал, что сегодня придешь по мою душу!

– Это уж точно! Только ради твоего торта София меня и отпускает из дому.

Пухлый Энрике был явно польщен таким комплиментом и с полнейшим благодушием повел церемонную беседу с давнишним клиентом:

– Почитай, с месяц тебя не видал!

– Да все по экспедициям мотаюсь.

– Где на этот раз пропадал?

– Далековато отсюда – в горах Тянь-Шаня.

– Даже не буду спрашивать, кого ты там искал.

– А я тебе так скажу: снежных барсов.

– И что, много их было?

– Да то и было, что никого не было.

– Эх, Даниэль! Капитан Сорви-голова! Вот не пойму я тебя. Дом с садом у океана у тебя есть? Есть! – Энрике стал загибать свои коротенькие толстенькие пальцы. – Денег на жизнь хватает? Хватает. А самое главное! – тут он назидательно воздел указательный перст к небу. – Жена-красавица, каких, признаться, мало в Галисии, сама к тебе приехала. И на кой черт, прости господи, тебе мотаться куда-то еще?

– Сам иногда себя о том же спрашиваю.

– А тут и спрашивать нечего. Жить надо и наслаждаться! На вот, пропусти-ка чашечку кофе, да съешь кусочек ореховой эмпанады. Я туда капельку золотистого рома добавил, для пикантности.

– Спасибо, дружище! Не откажусь.

Пока Даниэль с аппетитом уплетал изрядный кусок пирога, запивая ароматным кофе, Энрике не переставал что-то месить в тазу и одобрительно поглядывал на друга.

– Ну, как? – спросил хозяин бodeги. – Вкусно?

– Рома ты не пожалел! Все, как я люблю!

– Это рецепт моего прадеда Густаво, – с гордостью подмигнул Энрике. – Он был матросом на одном из броненосных крейсеров под командованием Паскуаля Серверы-и-Топете.

Эту историю знал каждый, кому посчастливилось хоть однажды отведать пирога в исполнении Энрике. Даниэль давно выучил наизусть рассказ о похождениях знаменитого прадеда, но каждый раз терпеливо выслушивал его снова. То была плата за вкусную выпечку.

– Базировались они на островах Зеленого Мыса, где прадедушка служил коком на камбузе, – вдохновенно продолжал свою повесть владелец бodeгона. – Так вот послали его вместе с эскадрой на Кубу в 1898 году, как раз накануне Испано-американской войны. В итоге предок мой очутился-таки в Сантьяго-де-Куба и готовил своюстряпню до тех пор, пока американцы под командованием Шлея не заперли их эскадру в бухте. Запасы провизии у них стали таять, и адмирал Сервера получил приказ прорвать блокаду. Увы, при попытке испанских кораблей прорваться случилась баталия, в которой все испанские корабли были один за другим пущены на дно. Народу потонуло в тот день – уйма! Но так уж было угодно Господу нашему Иисусу и матери его Марии, что прабабка моя именно в тот злополучный день пошла молиться в церковь Святого Викентия о благополучном возвращении мужа своего на родину. Покровитель моряков и виноделов внял молитвам благочестивой женщины и смилостивился над прародителем моим, послав ему спасение в виде бочонка с ромом. На нем-то прадедушка Густаво и добрался до Кубинского берега, а когда открыл его, то увидел, что бочонок-то на три четверти наполнен чистейшим золотистым ромом самой лучшей выдержки. Сменял его пращур мой на деньги у какого-то американца, а себе оставил небольшую фляжку на память о счастливом спасении. Потом купил себе билет на пароход и под присмотром своего небесного покровителя

благополучно вернулся к родным берегам. С тех пор ушел прадедушка с флота и открыл сей бодегон, где мы с тобой сейчас сидим. А в честь его возвращения прабабка моя испекла торт «Сантьяго» по старинному семейному рецепту и приправила его тем самым ромом.

– Ну и мастак ты легенды семейные сочинять, – засмеялся Даниэль.

– Истинную правду тебе говорю! – перекрестился Энрике.

– Да ты всегда говоришь «правду, только правду и ничего, кроме правды». Вот только каждый раз правда у тебя обрастает все новыми подробностями.

– Ничего подобного!

– Я вовсе не против, так даже интереснее. Каких только традиций ни напридумывают люди! Кто-то, спасшись из пучины морской, печет торты с ромом, а кто-то мастерит модели кораблей и вешает их под церковными сводами.

– Это где ж так заведено? – заинтригованно спросил Энрике.

– В Северных странах. Все церкви увешаны парусниками: заходишь, а они так и парят над нефом. Я вот на Аландских островах в Балтийском море их повидал немало. Говорят, корабли эти дарят церкви в благодарность за Божью милость и спасение от кораблекрушений и пиратов.

– Да какие сейчас пираты! – недоверчиво усмехнулся Энрике. – После драки за испанское наследство они и впрямь озоровали, но сейчас уж давно перевелись. Разве что в интернете «пираты» безобразничают.

– Не знаю, не знаю, – серьезно продолжал Даниэль. – Обычай хоть и старинный, а до нашего времени все же дошел.

– Только не говори, что ты с пиратами сражался, – весело поддел приятеля Энрике.

– Я-то сам, к счастью, с ними не встречался, но вот какая история была. Довелось мне участвовать в одной регате в качестве «корабельного оператора». Проходил как раз один из ее этапов на тех самых Аландских островах. И в единственном портовом городишке на главном острове собрались суда всех классов со всех морей. Как водится, все разговоры вертелись вокруг морской романтики, парусов и снастей, а также соленого моряцкого юмора. Не обошли тему пиратства, рома и сокровищ. Сидим, значит, мы в кают-компании с одним из волонтеров, беседуем о всяком, и тут с камбуза заявляется наш кок – дюжий викинг по имени Стефан – и, подслушав наш разговор, выдает, что «слышал, дескать, от бывалых моряков следующее: по морским законам, нашедший в международных водах корабль без единой живой души на борту вправе объявить найденное им судно включая весь перевозимый груз своей единоличной собственностью». А волонтер наш возьми и спроси его: «Интересно, а команда на найденном корабле должна оказаться неживой до или после ее обнаружения?»

– И что же ему кок ответил? – поинтересовался Энрике.

– А ответил ему Стефан, что для настоящего пирата такой вопрос вообще не стоит и по сей день.

Энрике снова осенил себя крестным знаменем.

– Не хотел бы я с этим Стефаном в море повстречаться. Сразу видно – морской разбой у него в крови.

Даниэль допил свой кофе и с легкой грустью собрал последние крошки орехового пирога с капелькой «того самого рома».

– Что там с моим «Сантьяго», кстати? – поинтересовался он.

Энрике бросил месить свое тесто, вытер руки о полотенце, висевшее у него на плече, и скрылся на кухне. Через секунду он появился снова с огромным тором на блюде.

– Полюбуйся! – сияя, сказал кулинар. – Красавец, правда?

– То, что надо! – ответил Даниэль.

Глава 4

На обратном пути хозяину приходилось сдерживать собаку, чтобы ни в коем случае не уронить на асфальт коробку с грандиознейшим произведением аутентичной галисийской кухни, но все же они успели добраться до дома прежде, чем его хозяйка проснулась.

Когда София, шлепая босыми ногами по полу, спустилась вниз, на кухне в самом центре массивного дубового стола красовался шедевр галисийского кулинара Энрике, искусно украшенный выложенным из кусочков изюма, чернослива, абрикосов и прочих сушеных фруктов черным петухом с красным гребнем и разноцветным хвостом.

– Сюрприз! – воскликнул Даниэль. – Чай уже готов.

София бросилась на шею мужу и зацеловала его.

– Как же я обожаю такие сюрпризы по утрам! Как пахнет! У меня уже слюни текут, скорее тащи тарелки.

Торт был в мгновение ока разрезан на увесистые куски, ароматный чай разлит по чашкам, и супружеская чета, уютно устроившись на диване в гостиной, принялась уплетать лакомство.

– Давно хотела узнать, почему каждый раз на этом торте черный петух, – спросила София, отправляя в рот очередной кусок.

Даниэль прожевал порцию торта, запил чаем и с благодушным видом откинулся на спинку дивана.

– В Галисии все овеяно легендами, даже торты, – начал он. – Что до Энрике, то у этого товарища легенд припасено на любой случай жизни.

– Обожаю легенды! – с предвкушением сказала София.

– Так вот одна из них гласит, что когда-то давно в эпоху мрачного Средневековья отправилась толпа пилигримов из Португалии в Сантьяго-де-Компостела. Путь был неблизкий, а ночевать под открытым небом было не очень-то приятно. Благо на пути странников оказался городок Барселуш. Там и решили поискать ночлег. Паломники забрели на какой-то постоялый двор, где расположились до утра. Среди всей этой разномастной братии странствовал некий юноша родом из Галисии. Наружностью был он так красив, что хозяйка постоялого двора глаз от него отвести не могла, а набожность молодого человека только распаляла воображение женщины.

– Мое воображение тоже уже готово разыграться! – томно промолвила София и на четвереньках подползла к мужу.

– Подожди, miña amor. Дай дорасскажу!

– Прости, продолжай, – сказала София и прильнула к груди Даниэля.

Даниэль поцеловал жену в лоб и вел свой рассказ дальше.

– Стала она заигрывать с парнем и соблазнять его, но молодой пилигрим оказался слишком целомудренным типом и на все уловки коварной обольстительницы никак не велся. А потом и вовсе отверг все ее ухищрения. Не знал бедолага, что обиженная и неудовлетворенная женщина может встать на путь мести и устроить обидчику жестокую расплату.

– И как же эта женщина ему отомстила?

– Очень даже просто. Не получив желаемого, хозяйка постоялого двора решила проучить наглеца и ночью подкинула в его котомку столовое серебро. Утром при всем честном народе женщина подняла крик о пропаже. Тут же перетряхнули всех пилигримов и обнаружили «украденное» в сумке у галисийца. Недолго думая, беднягу повязали и отправили в тюрьму, а судья без всяких проволочек приговорил его к смертной казни.

– Суровые же нравы в то время были!

– Да уж не в пример сегодняшним.

– И что же? Так и погиб парень ни за что, ни про что?

– А дальше, согласно легенде, дело было так. Предоставили юноше, по обычаю, последнее слово перед смертью. А он – возьми и попроси аудиенции у судьи, который его на виселицу и определил. Делать нечего – исполнили последнюю просьбу. Предстал галисиец перед судьей в его доме во время трапезы. Сидит судья за столом с гостями, обедает, а осужденный оправдывается перед ним. Однако на вершителя Фемиды мольбы несчастного не производят ни малейшего впечатления. Судья знай себе одно за другим блюда уплетает и тянется уже к тарелке с жареным каплуном. И тогда паломник в отчаянии заявляет: «Не виноват я, она сама пришла! Посему, когда меня вздернут на веревке, этот жареный петух закукарекает во все горло!» Судья посмеялся, но блюдо с петухом все же отодвинул в сторонку. Галисийца увели на казнь, а судья продолжил обед. Но вот пробил час, когда должна была свершиться несправедливая кара, и...

– Петух восстал-таки из мертвых?

– И даже прокукарекал. Судья обомлел, но спохватился и ринулся на площадь, где стояла виселица. Оказалось, что кат совершенно не умеет вязать узлы на петле и что галисиец благополучно сорвался с веревки. Тут же судья оправдал многострадального паломника и отпустил его на все четыре стороны.

– Тем дело и кончилось?

– Почти. По прошествии нескольких лет галисиец снова оказался в негостеприимном городишке и установил там в память о своих злоключениях крест Деве Марии и Святому Иакову – своим заступникам. Якобы они явили ему чудо его собственного спасения.

– А причем здесь торт?

– А притом, что та самая похотливая женщина, что была отвергнута паломником, оказалась предком нашего Энрике по материнской линии. И, чтобы смыть позор своей прародительницы, потомки решили увековечить образ того самого петуха в своих кулинарных эскападах.

– Как это поэтично!

– По мне, проще сидеть и ждать, пока на вязе созреют груши. Но народ в Галисии суеверный и обожает все эти сказки, да предания глубокой старины.

– Зато торты, приправленные легендами, получаются гораздо вкуснее! – весело заявила София.

– Это точно! – рассмеялся Даниэль. – Чувствую только, что такие кулинарные оргии могут выйти мне боком. Точнее, отложатся на моих боках.

– Доверь заботу о твоих боках профессионалам!

– Это кому же?

– А то ты не догадываешься! – весело ответила София и обратилась к сидевшей подле мужа собаке. – Дебби, ты знаешь, что делать!

Четвероногая подруга подскочила и, скользя лапами на виражах, умчалась в прихожую. Не прошло и десяти секунд, как она примчалась обратно, держа в зубах поводок.

– Объявляю пешую вылазку на побережье! – воскликнула София. – Хочу на маяк!

Через полчаса компания весело шагала в сторону Фаро де Монтеферро, радуясь свежему ветерку, солнцу и друг другу. Они то и дело останавливались, чтобы полюбоваться бабочками или изящным узором лишайника на каком-нибудь камне. Иногда Даниэль отпускал собаку побегать и играл с ней, бросая палочку. Дебби стремглав кидалась за деревяшкой, притаскивала в зубах и, бросив ее у ног хозяина, готова была мчаться вслед за новым броском. За играми на свежем воздухе время, как и набранные с утра калории, улетучивалось, и троица незаметно для себя достигла цели своей прогулки.

Маяк прилепился к крутому скалистому утесу, покрытому трещинами и расщелинами, словно морщинистое лицо старика. У подножья этой глыбы грохотали, разбиваясь, волны, а чуть поодаль обнажились вершины подводных рифов. С высоты птичьего полета строение маяка походило по форме на вросший в скалу белый якорь с толстым веретеном и двумя огромными лапами. С земли же Фаро де Монтеферро своей архитектурой производил впечатление хоть и более скромное, чем с воздуха, но у всякого, кто его видел, не оставалось никаких сомнений в прочности и надежности этой конструкции.

Само береговое навигационное сооружение – массивная маячная башенка метра два высотой – располагалась на круглой площадке с каменным парапетом. К башенке от бетонной стены, отделявшей утес от остальной части материка, вела прямая короткая дорожка. В стене был проход, который преграждала калитка из черных кованых прутьев с фигурно изогнутыми наконечниками. На ночь калитка запиралась. По левую руку от нее находилось какая-то каменная будка технического назначения, а чуть дальше за парапетом возвышалась мачта, выкрашенная в зеленый и белый цвета, увенчанная солнечной батареей. Для пушей убедительности мачту крепили к скале три металлических троса.

Снизу-вверх вдоль башенки, выкрашенной белой краской, вела лестница из десяти зеленых ступенек с железными перилами, которые ограждали и площадку на вершине маяка. Из-за вечной сырости перила местами поддались коррозии, и ржавчина здесь и там оставляла бурые следы на выбеленных стенах. Почти всю верхнюю площадку занимал зеленый постамент, к которому крепился низенький столбик с фонарем наверху. В темное время суток фонарь мигал изумрудным светом кораблям в океане, обозначая тем самым правую от безопасного сектора область для приближающихся судов.

София прошла вдоль парапета, ведя ладонью по шершавому камню. В лицо дул свежий океанский ветер. Она облокотилась на парапет и глянула вниз. Там, где волны с шумом и пеной разбивались о широкую грудь утеса, двигалась маленькая человеческая фигурка в черном облегающем гидрокостюме. Человек, словно альпинист, висел вниз головой и что-то отскребал от камня, упиравшись ногами в мокрый бок скалы. В качестве страховки он был опоясан веревкой, другой конец которой был закреплен в одной из расщелин метрах в десяти выше по крутому склону.

– Кто это, дорогой? – спросила София мужа, указав ему на человека.

Даниэль, игравший с Дебби подошел и с интересом глянул вниз.

– Похоже на одного из гильдии персебейро.

– Я о таких не слышала.

– Так называют собирателей морских уточек или персебес. Это такие усонogie рачки. У них очень вкусное мясо, вот за ними и охотятся. Персебейро нужно добраться по скользким скалам до колонии персебес, выбрать добычу и успеть отделить их своим зубилом от камня, пока его не накрыло прибойной волной. Эти рачки, как говорят морские биологи, ведут «неподвижно-прикрепленный образ жизни». Они могут прицепиться ко всему, что плавает в океане, например, к брюху кита или днищам судов. Ну и, конечно, к морским рифам или еще какому-

нибудь твердому субстрату. Строение у морских уток необычное для ракообразных. Тело их состоит из головки и стебелька. Головка защищена известковыми пластинками, как у устриц. Из-за этого их часто путают с моллюсками, хотя к последним персебес отношения не имеют. Стебелек – мясистый и голый, хотя иногда бывает покрыт чешуйками.

– Прямо, как у растений! – воскликнула София.

– Вот с помощью него-то морские утки и прикрепляются к субстрату. А на деле стебелек представляет собой видоизмененный головной отдел. Из-за неподвижного образа жизни в нем полностью редуцируется кровеносная и выделительная системы. Кроме того, у морских уток нет ни жабр, ни и органов зрения.

– Точно, как грибы, растут!

– Практически. Их даже иногда морскими трюфелями называют. Уникальны эти «трюфели», плюс ко всему, еще и тем, что они гермафродиты по большей части, так что бегать друг за другом для размножения им вовсе не требуется. У большинства видов на всякий случай имеются «запасные» самцы редуцированного строения, которые крепятся изнутри в «мантийной полости» самки или обоим полам особи. Мало ли что.

– Действительно, иметь самца про запас – идея неплохая! – усмехнулась София. – Только я все равно не понимаю, как они размножаются.

– Этим в свое время еще Чарльз Дарвин интересовался. Вот и сидят персебес дружной компанией на камушке или на ките и фильтруют себе воду в поисках планктона. Но наступает пора размножаться, и тогда самки или гермафродитные особи откладывают яйца внутри своей раковины. Оплодотворение обычно происходит между разными особями, таким образом генетическое разнообразие все-таки поддерживается. Мужской половой орган у морских уток весьма длинный и способен высунуться из раковины сантиметров на двадцать.

– Ого! – неподдельно изумилась София.

– Не каждый самец *homo sapiens* может таким похвастаться, это точно, – рассмеялся Даниэль. – А вот персебес могут своим инструментом проникнуть в раковину любой соседней утки в приличном радиусе, выделить сперму и оплодотворить отложенные ранее яйца. Если учесть, что в иных колониях плотность населения предельно высока, то выбор вариантов для оплодотворения очень даже неплох.

– Что же, так и сидят персебес из века в век на одном камне? Как же они тогда на кита могут запрыгнуть, если намертво крепятся к скале?

– Если утка нашла свое место под солнцем, то она до самого конца на нем и сидит. А когда доходит дело до распространения персебес в пространстве, в дело вступают личинки. Вылупившись из яиц, они ведут пелагический образ жизни.

– Это как? – перебила его София.

– Это значит, что личинки просто дрейфуют в верхних слоях воды, пока не наткнутся на какую-нибудь подходящую опору, к которой они могут себя прикрепить. Вот тогда-то они готовы обосноваться по-настоящему: наращивают себе известковые пластинки, из которых и получают защитные ракушки. Ну а дальше ты знаешь!

– Как интересно!

Начался прилив, но персебейро по-прежнему был занят сбором своей добычи: как паук по паутине, скользил он по скале то вверх, то вниз. Волны пенились, перекатываясь через вершины прибрежных рифов, и с грохотом захлестывали расщелины, в которых нашли приют сотни морских рачков. Персебейро то и дело озирался по сторонам, стараясь вовремя заметить накатывающий вал и успеть вскарабкаться повыше по веревке. Это походило на странную игру, в которой волна пыталась незаметно подкрасться к человеку и, застав его врасплох, кинуться на него и поглотить. Пару раз собиратель уток замешкался – сказывались сильное напряжение и усталость. Океан тут же подкидывал его, словно щепку, и снова подхватывал.

София хотела было спросить, не может ли персебейро ушибиться о скалу, как вдруг увидела, что очередная волна откатилась от утеса и, сделав обманный маневр, лизнула ноги сборщика морских уток своим пенным языком. Человек оступился, попытался поймать равновесие, но коварная волна без промедления хлестнула его по глазам солеными брызгами. Персебейро на миг ослеп, и тут вода опрокинула его.

Вот только на этот раз он почему-то не поднялся и не уперся ногами в мокрый бок утеса, а безвольно, словно тряпичная кукла, повис на своей веревке.

– Даниэль, с ним все хорошо?

– ¡Сагау⁴! – только и отозвался Даниэль и, вручив жене поводок, ловко перемахнул через каменное ограждение.

Собака, решив, что это игра, радостно запрыгнула на парапет и вознамерилась было ринуться вслед за хозяином, но София успела-таки ее удержать.

– Ты куда?! – крикнула она.

Даниэль и Дебора одновременно обернулись на Софию, которая растерянно переводила взгляд с собаки на мужа и обратно.

– Софи, держи Дебби крепче! – крикнул Даниэль. – А я помогу ловцу: кажется, он ушибся о скалу. Надо его вытаскивать.

Тем временем персебейро продолжал висеть, как подстреленный парашютист на стропе. Волны забавлялись с ним, как с игрушкой. Даниэль же, цепляясь руками за трещины в камне, отважно спускался вниз к тому месту, где был закреплен другой конец веревки. Пару раз нога у него поехала, и он чуть не скатился вниз по крутому склону.

У Софии при виде усилий мужа душа то и дело уходила в пятки. Она зажимала себе рот ладонью, чтобы не вскрикнуть от ужаса и не отвлечь тем самым Даниэля. При этом ей приходилось удерживать еще и собаку, так и норовившую поучаствовать в спасательной операции.

Наконец, Даниэль достиг выступа скалы, где крепилась веревка, и, не мешкая более ни секунды, принялся тащить наверх бездыханного персебейро. Несколькими мощными рывками он поднял беднягу повыше, чтобы тот не захлебнулся. «Заодно, может быть, из него вода выльется, если успел наглотаться», – подумал Даниэль и, упершись ногами в выступ, стал тащить дальше.

С Даниэля градом катил пот, мышцы его напрягались до предела, на шее и лбу вздулись жилы. Дело, однако, спорилось, и спустя пару минут отчаянных усилий пострадавший был доставлен на уступ. Даниэль перевел дух и, отцепив карабин от пояса, закинул персебейро, словно жертвенного барашка, себе на плечи и двинулся по крутой едва заметной тропинке, змейкой уползавшей вверх к самому маяку. На вершине их с волнением встречали София и Дебби.

Человек был явно без сознания. Его аккуратно уложили на каменную плиту, и Даниэль пощупал у него пульс на шее: сердце хоть и учащено, но все же билось. Определить, есть ли дыхание, оказалось сложнее. Даниэль сам еще не успел отдышаться, и пальцы, которые он прикладывал к носу и ко рту мужчины, никак не могли ощутить даже слабого дуновения. Надо было как можно быстрее освободить все дыхательные пути от посторонних предметов вроде водорослей, а из легких удалить воду, если она туда успела проникнуть. София помогла мужу положить пострадавшего сначала на бок, после чего Даниэль, придерживая голову человека, перевернул его на живот, перекинув себе через колено, и хорошенько потряс, чтобы вода вылилась из легких. Однако воды было совсем мало.

– Звони в скорую, Софи. Набирай 112.

---

⁴ Дерьмо! (исп.)

Пока София объясняла диспетчеру их местоположение, Даниэль обхватил руками сзади торс персебейро и несколько раз рывками сжал ему грудную клетку. Вода по-прежнему не выливалась.

– Может быть, он просто потерял сознание от удара? – робко предположила София.

– Думаешь, он не захлебнулся? – Даниэль взмок от прилагаемых усилий и отер пот со лба. – Тогда попробую проверить его дыхание еще раз.

Даниэль снова перевернул пострадавшего персебейро на спину и приник ухом ему ко рту.

– Кажется, он дышит! – с надеждой воскликнул он. – Наверно, надо сделать ему искусственное дыхание на всякий случай. Ты не помнишь, как оно делается?

София растерянно покачала головой.

– По-моему, надо зажать ему пальцами нос и дуть в рот, – сам себе напомнил Даниэль.

Но, как только он схватил пациента за нос, тот вдруг тихо застонал. Дебби с испугу дернулась в сторону и залаяла. Все, как один, включая пострадавшего, вздрогнули от неожиданности.

– Дебби, тихо! – скомандовал Даниэль. – Не хватало нам тут еще пару инфарктов заработать.

Он принялся легонько хлопать человека по щекам, стараясь привести его в чувство, и через-минуту другую тот с изумлением открыл глаза и обвел своих спасителей мутным взором. На него напал кашель, сотрясавший все его тело. Когда приступ утих, Даниэль поводит у него рукой перед лицом и спросил:

– Сколько пальцев?

– Один, – послушно ответил персебейро. – ¡Joder⁵! Где я?

Голос у него был хриплый и словно надтреснутый.

– По-прежнему на этом свете. Ну и напугал же ты нас, дружище! – радостно сказал. – Как тебя зовут, помнишь?

– Донато Пинто.

– Правильно! А я тебя сразу и не узнал с маяка.

– Это ты, Даниэль? – взгляд персебейро, наконец, сделался осмысленным, щеки порозовели.

– О, вижу, жизнь к тебе возвращается!

– Вы знакомы? – взволнованно спросила София.

– Дорогая, познакомься – это мой давний приятель Донато, местный ловец персебес. И сегодня у него второй день рождения.

София поздоровалась, и персебейро хотел было подняться и отвесить ей ответный поклон, но Даниэль его удержал.

– Сиди-сиди! Сейчас не до церемоний. Скорую мы уже вызвали, так что она должна быть на подходе. А пока лучше тебе не делать резких движений.

– Я в порядке, Даниэль, не суетись.

– Полегче, дружище! Сейчас не время геройствовать. Мы еще не знаем, не нахлебался ли ты воды. Так что в любом случае тебе придется поехать в больницу.

– Да говорю же, я в порядке. Сейчас отдохну и пойду домой.

– Как Ваша голова? – с тревогой спросила София. – Болит?

Персебейро деловито ощупал шишку на лбу, на которой проступил кровоподтек.

– Меня, видать, малость потрянуло волной и приложило о скалу. Но котелок мой все-таки выдержал, не переживайте, синьора София.

– Удивляюсь, как Вы решились в одиночку спуститься туда.

---

⁵ Черт возьми! (исп.)

– Корусть взяла, – честно признался Пинто. – Вчера во время отлива проплывал мимо на лодке и обнаружил на скалах целую колонию отборных уток, а сегодня решил подзаработать немного.

– Но Вы же могли погибнуть!

– Наше ремесло всегда было нелегким, – сказал персебейро. – Да и сейчас при всем снаряжении собирать *peus de cabra*⁶ очень и очень опасно.

– Мы видели, как Вас болтало в прибое, – согласилась София. – У меня чуть сердце не остановилось, когда Вас смыло со скалы. Думала, пропал человек!

– Что и говорить, спасибо Даниэлю – подсобил! – Пинто потер ушибленную голову и подмигнул мужу Софии.

– Да как же иначе! – с чувством ответил Даниэль. – Не бросать же человека в беде. Море такого не прощает.

– Что поделывать! – вздохнул Пинто. – Надо кормить семью. А зарабатывать на жизнь меня научили только этим. У нас в роду все мужчины были персебейрос.

– Донато, а дети у Вас есть? – спросила София.

– Двое – сын и дочурка, – с гордостью ответил ловец морских уток.

– И что же? Они тоже будут рисковать жизнью на скалах?

Донато Пинто помолчал, бережно ощупал свою лысую голову. Потом вдруг запел куплет из песенки:

Aquí traigo este relato
y escuchenme, compañeros,
de la batalla que libramos
en Cedeira los percebeiros...
Я расскажу вам историю,
А вы послушайте, товарищи,
Как вели в Седейре битву
Мы – персебейрос...

– Лично я хочу сына в университет отправить. Пусть лучше юристом будет или музыкантом – всяко безопасней, чем по скалам ползать, – усмехнулся он. – Видать, прервется на мне наша династия персебейрос.

– Оно, может, и к лучшему, – сказал Даниэль.

– Возможно, моему сыну не придется нырять в соленые волны и цепляться за скользкие скалы. Пусть уж лучше он видит персебес лишь у себя на столе во время рождественского ужина.

– Цены на морских уток нынче вообще взлетели: на рыбном рынке видел ценник в 300 евро за килограмм. Дороговатое удовольствие, однако! Это притом, что килограммом ты вряд ли наешься, потому что в одной утке от силы одна пятая – это мясо, остальное все – ракушки и прочие несъедобные части.

– Это, наверно, *percebes de sol*⁷ – те утки, что выросли на солнечной стороне скалы, – сказал Донато. – Они ценятся выше всего.

– Почему так? – спросила София.

– Ножка у них помясистей будет, а значит – вкуснее. Впрочем, *aguarones* – те, кому выпало на северной, теневой стороне к камню прилепиться – тоже стоят прилично. Сейчас по 150 евро за килограмм таких отдают. Товар-то у нас сезонный.

---

⁶ Буквально: «козьи ножки» (исп.).

⁷ Буквально: «солнечные персебес» (исп.).

– Да уж, в период штормов, наверно, только самоубийцы полезут уточек собирать, – поделился своими соображениями Даниэль.

– Это факт, – согласился Пинто. – Потому-то и приходится мне сегодня рисковать своей головой, чтобы успеть заработать детям на хорошее образование, пока силы есть. Стар я стал, но деваться некуда – на море вся надежда. Только оно нас и кормит. Поэтому пока охотники за персебес во время отлива штурмуют обнажившиеся крутые подводные рифы в поисках очередной колонии этих ракообразных, притаившейся в расщелине скалы. Отбирать приходится только уточек определенного размера. Самые крупные – наименее мясистые и полые внутри, поэтому на них лучше время не тратить. Те, что совсем мелкие, тоже не подойдут – им еще надо дать подрасти. Как всегда и во всем, нужно искать золотую середину – персебес среднего размера. Эти все, как на подбор – один к одному!

– И это все Вы успеваете оценить, пока не накатила волна? – изумилась София.

– Именно так, синьора. С годами глаз сразу определяет тех, кто попадет к Вам на праздничный стол, а кто пока понежится в прохладных волнах. А вообще уметь отдиравать уточек от скалы еще не значит быть хорошим персебейро.

– Какие же навыки для этого нужны?

– Самое главное – уметь наблюдать за морем, – задумчиво произнес Пинто, – ведь только тогда ты можешь понять, когда еще можно лезть на скалы, а когда пора убираться прочь.

– Видать, теряешь сноровку, персебейро, – подшутил над ним Даниэль. – Если бы Софи не захотела прогуляться сегодня до маяка, даже не знаю, кто бы тебя вытаскивал.

– Море дает вам, и море забирает у вас самое ценное. Оно дает жизнь, и оно забирает ее у вас, когда решит, что пришел ваш черед.

– Похоже, сегодня мне удалось перехитрить море, – ухмыльнулся Даниэль. – А, Пинто?

Пинто ответил не сразу. Он прислонился затылком к камню и смежил веки. На его лицо, поросшее седоватой щетиной, легла тяжелая тень усталости. Персебейро открыл глаза и сощурился.

– В прежние годы ловцы персебес ныряли в море даже зимой. Сейчас на мне гидрокостюм из неопрена, который позволяет продержаться в ледяной атлантической воде до прихода подмоги, если не повезло потерять опору и плюхнуться со скалы в океан. А было время, когда я в одних шортах и кедах лез на рифы. Тогда охота за морскими уточками была, действительно, смертельно опасной. Однако твоя правда, Даниэль. Позволь тебе и твоей прелестной супруге выразить мою глубочайшую признательность и пригласить сегодня на ужин.

– Не стоит благодарности, – скромно ответила София. – Самое главное, что с Вами все будет в порядке, Донато.

– Когда в Нигране была местная *sofradía*⁸, я, будучи ее членом, рыбачил с другими рыбаками. Но потом понял, что могу прокормиться в море сам по себе. Собирать персебес – это единственное занятие, которым я отлично овладел и научился зарабатывать на жизнь. А что может быть лучше любимого дела, когда ты сам себе начальник?

Персебейро развел руками, огляделся вокруг и, увидев мешок со своим уловом, сказал:

– Раз уж не хотите ко мне в гости, тогда за мое спасение вам причитается моя сегодняшняя добыча. Забирайте!

– Что ты, Пинто! – возразил Даниэль. – Тебе семью надо кормить.

– Я настаиваю! – твердо молвил Пинто. – Хоть я и оступился сегодня, но *peus de cabra* себе еще успею наловить. Так что берите все.

– Все – это слишком щедро. Половины нам вполне хватит, правда, Софи?

– Конечно! Разве что просто попробовать.

– Тогда я подскажу вам лучший рецепт их приготовления.

---

⁸ Профсоюз (исп.).

Дебби встрепенулась и наострила уши: из-за поворота по узкой дороге к маяку медленно ползла желтая карета скорой помощи. Даниэль, взяв собаку на поводок, пошел навстречу машине. Когда скорая подъехала, из нее вылезли двое парамедиков. Выслушав краткий рассказ Даниэля об инциденте, они направились к потерпевшему. Один из них сказал, что София и Даниэль все сделали правильно и что теперь пациентом займутся врачи, потому что госпитализация в таких ситуациях обязательна. «Возможен отек легких или даже синдром вторичного утопления, к тому же он ударился головой, поэтому нужно будет выяснить, нет ли у него сотрясения или субдуральной гематомы», – сказал парамедик.

Пинто осмотрели, укутали в одеяло и аккуратно подвели к машине. София принесла мешок с уловом и сумку с вещами персебейро.

– Как поправитесь, так расскажите свой секретный рецепт, – с улыбкой обратилась она к Пинто.

– Зачем тянуть? Я сейчас Вам его и выложу.

Персебейро порылся в своей сумке, выудил из нее пластиковый пакет и отсыпал в него добрую половину собранных уточек. Он вручил пакет Софии, наклонился поближе к ней и, доверительно понизив голос, стал рассказывать рецепт.

– Некоторые морских уточек даже сырыми едят с оливковым маслом и уксусом, но я рекомендую их немного отварить: наливаете в кастрюлю морской воды, доводите до кипения, а затем бросаете в нее уточек – буквально на пару-тройку минут. Если хотите, можете плеснуть туда же полстаканчика белого вина и бросить пару лавровых листочков, чтобы подчеркнуть вкус нежнейшего продукта.

– Вы так аппетитно рассказываете, что я словно бы опять проголодалась.

– Придете домой и как раз утолите голод. Готовятся персебес быстрее некуда! И обязательно ешьте их, пока не остыли совсем, а то не так вкусно будет.

– А как их едят?

– Берете уточку за ножку и отламываете от нее часть с раковинами. Только будьте осторожны – внутри у них вода, так что не забрызгайте тех, кто рядом с Вами. А запивать их лучше всего все тем же молодым белым вином.

– Говорят, морских уточек собирают еще и у берегов Марокко, а еще где-то в Канаде, – вспомнил Даниэль.

– Верно, – согласился Пинто. – А еще говорят, что галисийские персебес самые вкусные в мире.

– Берегите себя! – пожелала ловцу персебес София.

Парамедик залез следом за пациентом в салон кареты скорой помощи и захлопнул дверцу. Машина аккуратно развернулась и покатила обратно по той же дороге, по которой приехала.

– Вот это приключение! – воскликнул Даниэль и обнял жену.

– Ты совсем мокрый, – ответила София, трогая ладонями спину мужа, – так и простудиться недолго. Пойдемте-ка скорее домой, да напьемся горячего чая. А что до приключений, то к черту их! Лучше сидеть в домике и объедаться тортом.

– Или морскими уточками, – подмигнул ей Даниэль.

– Ни один деликатес не стоит такого риска, и никто меня в этом не переубедит, – насупилась София.

– Согласен, сладость моя. Но для жителей галисийского побережья море всегда служило источником как изобилия, так и опасности. Здешние воды, возможно, самые коварные во всей Атлантике. Прибрежная акватория усеяна острыми, как бритва, подводными пиками, которые едва скрываются волнами и обнажаются лишь во время отлива. А непредсказуемые океанские течения, густые туманы и ветра делают эти рифы еще более опасными. В то же время эти суровые воды изобилуют жизнью. Наш край всегда гордился тем, что поставляет самую лучшую

рыбу и морепродукты по всей Испании, от омаров и трески до осьминогов и персебес. Хотя, говорят, при сборе морских уток ежегодно гибнут несколько опытных ловцов.

– Это очень печально. Все-таки я не понимаю, зачем они так рискуют.

– Море – это все для этих людей. По закону, добывать персебес имеют право только те, у кого есть официальная лицензия на это. К тому же даже им разрешено вылавливать не более шести килограммов рачков в день, да и то лишь в определенные дни в году. Но, как можно догадаться, все эти ограничения повсеместно нарушаются. Такие, как Пинто работают легально и никогда не собирают с одного места всю колонию целиком, чтобы оставшаяся часть морских уток имела возможность восстанавливать свою популяцию. В то же время уйма других ловцов занимается откровенным браконьерством. Некоторые энтузиасты пытаются как-то противодействовать незаконному промыслу, стараются по ночам во время отлива патрулировать самые обильные места, куда и стекаются все браконьеры, но все эти усилия лишь капля в море.

– Странные эти люди: море для них все, но они сами же готовы подчистую уничтожить всех его обитателей просто ради наживы. Неужели нельзя научиться зарабатывать как-нибудь иначе?

– Как сказал нам Пинто, он как раз хочет, чтобы его сын прервал династию персебейро и сделался юристом. Отыскивать лазейки в людских законах, возможно, не столь увлекательно, как собирать персебес со скал, но морские утки только выиграют, если все персебейро решат в один прекрасный день уйти с головой в юриспруденцию.

Глава 5

Время этим летом текло вязко и неторопливо, как каштановый мед. Тихо подкрался знойный июль и накрыл дрожащей пеленой марева и дом, и сад, и всех созданий, его населявших. Океан лениво вздыхал и нехотя катил волны к берегу. На закате он казался жерлом исполинского вулкана, лава которого вот-вот перехлестнет через край и спалит все вокруг.

Разморенный беспощадной жарой сад словно впадал в забытье. Собака по целым дням пропадала в кустах рододендрона или валялась на сквозняке, растянувшись на голых каменных плитах прихожей. Все двери и окна на первом этаже были настежь открыты, и ветер беспрепятственно гулял по комнатам. Окна спальни на втором этаже выходили на запад, поэтому до самого вечера здесь царил полумрак и прохлада.

Раз-другой за целый месяц с Атлантики налетали было облака и, пролив над островами Сиес добрую половину влаги, орошали дом и сад на склоне холма. Первые капли, едва коснувшись раскаленной крыши, с шипением испарялись, и все же летний зной ненадолго уступал место прохладе, давая ливню омыть и привести в чувство опаленные солнцем кроны мандариновых деревьев, олив и рододендронов. Еще до темноты сад высыхал и снова наполнялся сухим стрекотанием кузнечиков.

София во время сиесты голая валялась на постели и слушала музыку в наушниках со своего планшета, а Даниэль, прислонившись спиной к краю кровати, усаживался на полу с ноутбуком и монтировал свой фильм. «Мне так сподручнее», – говаривал он.

Иногда София подползала к мужу и через его плечо следила за его работой. Он всегда с головой уходил в творческий процесс, и Софии доставляло особое удовольствие наблюдать за этим таинством со стороны. Она могла часами созерцать, как Даниэль покусывал губы или прищуривал глаза, прикидывая, как выстроить кадры в фильме. В такие моменты у нее от самого затылка по шее, плечам и спине до самой округлой белой попочки волнами прокатывались мурашки. София сначала вздрагивала от необъяснимого сладостного томления, тело ее вдруг расслаблялось, веки смеживались. Незаметно для себя самой она погружалась в дремоту, убаюканная мягкими постукиваниями пальцев Даниэля по клавиатуре.

В один из таких дней, когда марево, едва колеблемое стремительными пролетами стрекоз, струилось над садом, София, распростершись на спине, медленно проваливалась в послеполуденную нирвану. Ей грезилось, что она та сама стрекоза, которая однажды увязла в янтарной смоле и миллионы лет пролежала среди останков доисторических животных, пока беспокойное море во время шторма не выбросило ее на берег в кусочке янтаря. Сквозь густеющую пелену дремы до ее сознания донеслось что-то похожее на шелест ветра в камышах, а затем нечто колючее приземлилось прямо на обнаженный живот. София вздрогнула всем телом и, оторвав

голову от подушки, уставилась на непрошеного гостя. Несколько мгновений она пыталась сфокусировать зрение, затем пронзительно вскрикнула и резким движением руки смахнула с себя здоровенное насекомое. В мгновение ока София подскочила на кровати, ожидая повторной атаки и изготавившись к битве не на жизнь, а на смерть.

Из ванной с полотенцем в руке вбежал в спальню Даниэль.

– Что случилось? – испуганно спросил он.

Вместо ответа София пальцем указывала в сторону туалетного столика, где по ее расчетам затаился неприятель. Даниэль, скрутив полотенце в жгут, на цыпочках двинулся в обход, чтобы ударить с фланга. Он крался к вражеским позициям не хуже японского ниндзя – бесшумно и плавно. Враг был уже практически застигнут врасплох, когда под ногой Даниэля предательски скрипнула половица. Как по сигналу из-за столика на кровать ринулась маленькая крылатая тень, но взметнувшееся полотенце, словно хлыст, сбilo ее на пол.

Победители этой короткой, но ожесточенной схватки с опаской склонились над поверженным агрессором.

– Саранча. Мароккская, – вынес свой вердикт Даниэль.

– Фу! Как она меня напугала! Свалилась прямо на меня, пока я спала. Я думала, у меня инфаркт будет.

– Стоило мне зайти в ванную, как на нас напали.

– Вот именно! Меня нельзя вот так бросать без прикрытия. Теперь я боюсь окно открывать. Вдруг их там еще налетит?

– Увы, любовь моя, это вполне возможно, – озабоченно проговорил Даниэль. – Саранча не приходит одна, – он подцепил двумя пальцами убитое насекомое, подошел к окну и выкинул дохлую саранчу обратно в сад. – Одевайся, Софи. Мы идем на разведку.

София поспешно натянула трусики и майку и прошлепала босыми ногами следом за мужем вниз по лестнице. Они спустились во двор и, свернув за угол, оказались прямо под окном спальни. Из зарослей рододендрона с языком набок примчалась собака. Когда Дебби пробежала по траве, местами с шелестом вспархивали серовато-бурые имаго. Даниэль оглядел сад, прислушался и, решительно хлопнув и потеряв ладонями друг о друга, констатировал:

– Дело дрянь. Если это то, о чем я думаю, то о наших сладких мандаринах нам придется надолго забыть. Скорее, Софи, Дебби! Тащите в дом все наши цветы с террасы, закрывайте окна и двери. Переходим на осадное положение! Сейчас начнется светопреставление!

Компания поспешила дружно взяться за дело: София бросилась заносить в дом горшки с цветами, Даниэль пробежался по всей вилле и одно за другим плотно затворил окна, а Дебби с азартом бегала из дома во двор и обратно.

Когда все, что можно было затащить в дом, было в него затащено, и Даниэль со словами «Закрывать ворота!», «Поднять висячий мост!» и «Лучников на минареты!» запер парадные двери, семья наконец-то смогла перевести дух и приготовиться к борьбе с вражеским нашествием.

Как только семейство Родригес-Мендес оказалось под надежной защитой стен, хозяин осажденной виллы решил прибегнуть к помощи коллективного разума для изыскания способов борьбы с восьмой «казнью египетской».

Даниэль схватил свой ноутбук и, расположившись на диване в гостиной, стал внимательно изучать всевозможные научные источники во всемирной паутине на тему истребления саранчовых. София сидела на полу у ног мужа, как образцовая древнееврейская жена, а Дебби, по своему обыкновению, растянулась подле хозяев.

– Тут пишут, – сказал жене Даниэль, – что против вспышек численности саранчи подходит превентивная вспашка мест, где она откладывает яйца в кубышки.

– По-моему, пахать землю нам уже поздновато, тебе не кажется?

– Ты как всегда права, Софи, – Даниэль набрал что-то в строке поиска и открыл очередной сайт. – Однако посмотрим, что пишут другие знатоки.

– И что же они пишут?

– Представляешь, некоторые виды саранчи имеют интересную способность: они могут изменять внешний облик и поведение в зависимости от своего окружения.

– Прямо, как люди! – отозвалась София, внимательно оглядывая цветы в горшках и пытаясь определить, сильно ли они пострадали.

– И не говори, любовь моя! При этом у этих насекомых бывает две формы существования: одиночная и стадная фазы. Что интересно, они могут переходить из одной фазы в другую и наоборот.

– Смотрю, у них вообще много общего с людьми. Особенно то, что и те, и другие наносят огромный вред всему, до чего могут добраться.

– Это точно. Вот, казалось бы, живет себе одинокая саранча, грызет себе травинку и никого не трогает. Но стоит этим товарищам сбиться в кучу, как у них сразу просыпается стадный инстинкт, и все эти твари, как по команде, переходят в стадную фазу.

– Это просто поразительно! – воскликнула София с неподдельным чувством. – Такое ощущение, что люди с саранчой состоят в тесном родстве и берут друг с друга пример. Вот только, как с этой напастью бороться, непонятно.

Спасение от насекомых пришло так же неожиданно, как и сама саранча. К вечеру со стороны Байоны в воздух поднялась тучка и, словно гонимая ветром, помчалась прямо через залив к осажденной вилле. София заметила ее из окна гостиной и указала на нее мужу.

– Если это новые полчища саранчи, то, боюсь, нашему саду конец, – озабоченно сказал он.

Тучка стремительно приближалась и, казалось, то росла в размерах, то снова съеживалась. Даниэль пристально вглядывался в надвигающуюся массу, и вдруг лицо его просияло. Он бросился наверх по лестнице и через мгновение примчался обратно с биноклем в руках.

– К нам идет подкрепление! – воскликнул он, глядя в бинокль. – Это стая скворцов, причем розовых! Смотри, Софи!

Он протянул жене бинокль, но было уже и так видно, как плотная стая из тысяч птиц обрушилась на застигнутую врасплох саранчу. Началось истребление вредителей поистине библейского масштаба. Воздух звенел и дрожал от птичьих голосов, которые, повинуясь заложенному в генах инстинкту, сигнализировали друг другу об обнаруженном корме. Природная тяга розовых скворцов к стайному образу жизни не раз и не два на протяжении веков в буквальном смысле спасала людей от голода.

Прилетевшие с далеких индийских зимовок стаи пернатых, не нашли достаточных запасов корма – кузнечиков и саранчи – в привычных для гнездования местах и устремились в поисках своей излюбленной пищи в новые пределы. Долетев до предгорий Алатау, они повернули на Запад. На своем пути скворцы побывали и в степях южной Украины, и на просторах Великой Венгерской равнины, и, оставив за собой север Италии и юг Франции, добрались-таки до самой западной оконечности Старого Света.

Здесь в Галисии птицы в самый сжатый срок успели вывести потомство, яростно истребляя прямокрылых вредителей, осаждавших поля и сады.

– Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему наша вилла носит такое необычное имя – «Розовый Скворец», – сказал Даниэль, с восхищением глядя, как птицы неумоимо ловят и поедают саранчу.

– Я первая об этом подумала! – с улыбкой зашпорила София. – Ты у меня снял это с языка!

– А я в этом и не сомневался! Ты вообще мое сокровище.

Даниэль обнял жену за плечи и поцеловал в макушку. Они стояли у окна гостиной и наблюдали за удивительным событием в жизни природы, которое (Даниэль был готов с кем

угодно биться об заклад!) за всю свою жизнь не видали даже местные старожилы. Было трудно описать впечатление, которое невиданная масса птиц производила на человека, впервые наблюдавшего это явление. Даже налет саранчи мерк в сравнении с тем, как тысячи и тысячи птиц с розовым оперением на спине и брюшке и черным на голове и крыльях шумно перепархивали с места на место. Казалось, птицы повсюду: они садились на крышу дома, ветки деревьев, садовую изгородь и во множестве деловито ходили по земле.

– Ты не хочешь поснимать этих птичек? – спросила София, видя, как неугасимым огнем азарта загорелись глаза мужа.

Вопрос жены заставил его вспомнить, что он не только натуралист, но и оператор, Даниэль в два счета расставил свой штатив, водрузил на него камеру и начал снимать розовых скворцов. Их стаи можно было сравнить со стремительными тучками, которые могли передвигаться в любых направлениях, даже против ветра. Когда они взлетали, отбрасываемая ими тень была настолько плотной, что на траве под ними не было ни единого солнечного пятнышка.

– Должно быть, у них где-то неподалеку гнездовой участок. Странно, что никто его до сих пор не заметил, ведь такое множество птиц способно образовать огромную по размеру и густонаселенную колонию, – размышлял вслух Даниэль. – Ну или несколько маленьких, потому что, насколько мне известно, розовые скворцы не гнездятся отдельными парами.

– А почему одни из них светло-розовые, а у других оперение будто бы темнее? Одни самцы, а другие самочки?

– Скорее всего, те, что светлее, – взрослые особи, а темненькие – это молодые птицы.

Огромная стая розовых скворцов вела себя на удивление слаженно и дружно. Воздух был наполнен журчанием птичьих голосов, но среди всей массы птиц практически не наблюдалось ни стычек, ни скандалов. Часть пернатых отдыхала и чистила перышки, топорща иногда черный хохолок. Другие же один за другим, сорвавшись с ветки или изгороди, взмывали вертикально вверх и с неизменным кличем «чиррррр!» обрушивались на очередную добычу. Спустя несколько часов после прилета спасителей на вилле «Розовый Скворец» не осталось и следа от насекомых-вредителей: птицы подчистую съели всю саранчу.

Поняв, что поживиться здесь больше нечем, пернатые группами по двадцать-тридцать особей стали подниматься в воздух и вдруг снова слились в одно огромное облако. Оно принимало то форму шара, то растягивалось в виде эллипса, то перетекало в совсем замысловатые фигуры вроде гигантской бабочки или исполинского кашалота. Тысячи птиц казались единым существом, которое вопреки силе гравитации парило в воздухе.

София и Даниэль вышли на террасу и наблюдали за танцем скворцов в полном ошеломлении.

– Это мурмурация! – воскликнул, наконец, Даниэль. – И мне даже посчастливилось ее заснять на камеру!

– А еще эта мурмурация спасла наш сад, за что ей большое спасибо! – сказала София.

Глава 6

После налета саранчи и чудесного избавления от нее на вилле у океана снова воцарились покой и умиротворение. Жара спала, предоставив черед приятному теплу. Ни одной саранчи больше не появлялось в саду, лишь кузнечики стрекотали в траве, да бабочки и шмели перепархивали с цветка на цветок.

Даниэль теперь монтировал свой фильм, сидя за столом на террасе в плотной тени виноградного навеса. У ног его лежала верная собака, а в шезлонге по другую сторону стола уютно устраивалась его верная жена. София надевала наушники, чтобы музыка не отвлекала мужа от работы, и начинала дремать под очередную неспешную мелодию. Когда Даниэль отрывал взгляд от ноутбука, то неизменно умилялся, созерцая мирно спящую жену. Он тихонько вставал и укрывал ее пледом, когда налетали облака и становилось свежо. «Моя сладость и радость», – шептал он ей на ушко, и София улыбалась во сне.

В тот день, когда фата-моргана резвилась на побережье и изумляла своими шалостями окрестный люд, заставляя катера и яхты взмывать в небо над линией горизонта, вилла «Розовый Скворец», как и всегда, утопала в безмятежности. Послеобеденную сиесту Софии нарушил назойливый монотонный звук. Она нехотя открыла глаза и обнаружила, что ни Даниэля, ни собаки нет поблизости. Возле открытого ноутбука стоял оставленный мужем стакан с ананасовым соком, вокруг которого с вожделием вились несколько здоровенных ос.

После налета саранчи София побаивалась насекомых, особенно тех, что могут укусить или ужалить. Однако эти жужжащие создания напомнили ей, как Даниэль каждый раз бросался спасать очередную залетевшую в помещение осу, которая с тупой настойчивостью билась о стекло, не желая понимать, что эту коварную прозрачную преграду ей не преодолеть. Для таких случаев предусмотрительный Даниэль имел про запас пластиковый стаканчик и листок бумаги. Он отработанным движением накрывал стаканчиком осу и, аккуратно просунув между ним и оконным стеклом листок, ловил незадачливое насекомое. Затем он шел на улицу и торжественно, словно при спуске на воду авианесущего крейсера, выпускал осу на волю.

София каждый раз спрашивала супруга, зачем он это делает. Тот же неизменно отвечал, что просто не может пройти мимо существа, попавшего в беду. «Если бы все существа на свете помогали друг другу, то мир был бы намного более приятным и безопасным местом, – с улыбкой говаривал он, – а так все пребывают в состоянии перманентной разобщенности, только вот это всего лишь иллюзия».

София подобными иллюзиями особо не тревожилась, но то, что волновало ее любимого натуралиста, она всегда воспринимала всерьез. Даниэль считал негодяем того, кто впервые додумался «разделять» людей и «властвовать» над ними. Этот порочный принцип, к сожалению,

нию, оказался весьма действенным при манипулировании общественным сознанием. По сути, с того момента одни люди поработили других. И конца и края этому не было видно. Какому-то подлецу удалось оболванить народ тысячи лет назад, и народ поверил, что «homo homini lupus est»⁹. Человек оказался не чем-то священным для другого человека, как полагали немногие древние гуманисты, а конкурентом и даже врагом.

«Но разве это не так? – спрашивала София. – Можем ли мы верить кому-то, кроме самого себя?»

«Конечно, можем! – запальчиво восклицал Даниэль. – Доверие – это краеугольный камень семейного счастья. Только оно должно быть взаимным».

«Мне так хочется верить в это, Даниэль. – говорила София. – Потому что, если ты меня обманешь, это разобьет мне сердце».

«Верь мне, любовь моя! – успокаивал жену Даниэль, осыпая поцелуями ее лоб, щеки и губы. – Потому что, если я обману тебя, то сам умру».

София бросалась ему на шею и долго-долго не могла отнять своих губ от губ единственного человека на свете, до которого ей было дело. Она безоговорочно верила ему, она любила его без памяти, и знала, что он так же горячо и нежно любит ее.

Тем временем осы продолжали с мерным гудением виться над стаканом, пытаясь сообразить, как бы им отведать искусительной влаги. Одна из них примостилась на ободке стакана, но сорвалась и неуклюже плюхнулась прямо в сок. Насекомое барахталось в сладкой жидкости, беспомощно перебирая лапками. Софии стало жалко осу, и она оглянулась по сторонам в поисках Даниэля, который пришел бы ей на помощь. Однако мужа не было видно поблизости. Поколебавшись, София все же взяла соломинку и опустила в стакан с соком. Оса тут же цепилась за спасительную опору лапками, и София стала осторожно вытаскивать бедолагу. Дело было почти сделано, когда оса, решила стряхнуть с крыльев остатки липкой жидкости и заработала ими, как маленький пропеллер. От неожиданности София дернулась. Стакан опрокинулся, и сок разлился по столу. Часть капель попала на ноутбук, и София, схватив салфетку со стола, бросилась их вытирать. Стоило ей коснуться клавиатуры, как экран ожил и пред ее взором предстало окно почтовой программы. София с ужасом поняла, что читает чужое сообщение, когда дошла уже до второго абзаца.

Увы, кто умножает познания, умножает скорбь. Именно это осознала София в тот момент. Нет, София всегда считала, что читать переписку близкого человека в тайне от самого адресата могут лишь люди, не уверенные в своем партнере, а Даниэлю София привыкла верить больше, чем себе самой. Их взаимная привязанность не подлежала ни малейшему сомнению. И все же в глубине сознания София на самый краткий миг ощутила едва заметный укол сомнения – сомнения в самой себе. От этой мысли ее прошиб холодный пот. Ей захотелось захлопнуть ноутбук и стряхнуть с себя это наваждение, но мучительное желание прочитать чужое письмо до конца уже вцепилось когтями в ее мозг. Ею моментально овладел страх потерять все то, что было ей так дорого, и тягостное опасение оказаться преданной.

Текст послания гласил:

«Привет, Дэнни!

Как ты там?

Хотела написать тебе еще месяц назад, но никак не получалось. На работе был полный завал! Наконец-то удалось выбить себе отпуск, так что весь август буду свободна. Мечтаю навестить наших крошек. Соскучилась по ним ужасно! Не хочешь ко мне присоединиться? Заодно поснял бы их, они сейчас уже подросли.

Не стану скрывать, я была бы очень рада твоему приезду.

Если можешь, сообщи до конца этой недели, пожалуйста.

---

⁹ Человек человеку волк (лат.).

Твоя Вика Лососева

PS: Все время вспоминаю, как мы вместе считали дельфинов...»

София мысленно отругала себя, ведь она всегда знала, что читать чужие письма (пусть даже электронные) некрасиво и подло. С другой стороны, ей пришла в голову мысль, что прочитать электронную переписку мужа с некой Викторией Лососевой не так уж и зазорно, если ею движет вполне благородное желание своевременно предотвратить угрозу их собственной семье. Что это за особа? Почему она так фамильярно обращается к ее мужу? И кто такие эти «наши крошки», по которым эта Вика так соскучилась? Все эти вопросы вихрем пронеслись в сознании Софии, отчего у нее закружилась голова.

София присела на шезлонг и обхватила голову руками. Зачем ее угораздило спасать эту злосчастную осу? Не лучше ли было жить себе дальше в счастливом неведении? А, может быть, все это просто недоразумение? Ведь Даниэль не стал бы ее обманывать и врать ей в лицо. Нет, он не такой.

Зачем же она прочитала это чертово сообщение, которое в один миг лишило душевного равновесия? Чтобы в случае чего успеть принять меры. Но какие меры? Да и сможет ли она их принять? Если уж муж решил что-либо скрыть от жены, то с какой стати он позволит ей вмешиваться в то, что, по его мнению, ее не касается? Да и надо ли вмешиваться в дела человека, который тайно ведет какую-то другую жизнь. Тебе все равно не будет в ней места.

Стоп! Но что, если надо бороться за свое счастье? Что, если жизнь таким образом проверяет на прочность ваши отношения? Тогда нельзя игнорировать то, что уже произошло. Предупрежден значит вооружен. А вооружен значит очень опасен. Для кого опасен? Бред какой-то! Какой-то заколдованный круг...

Все эти судорожные раздумья довели Софию до полного изнеможения. Слезы хлынули у нее из глаз, и она почувствовала себя совершенно несчастной. Ее воображение никак не желало униматься и бешено рисовало самые невообразимые и ужасные образы. Сначала она представила себя жертвой супружеской измены, затем помехой на пути счастья других людей и в конце концов – объектом всеобщей ненависти и презрения.

В таком плачевном состоянии и застали Софию Даниэль и Дебби, вернувшиеся с пляжа.

– Софи, что стряслось? – заволновался Даниэль и бросился обнимать супругу.

София отстранилась и вместо ответа задала мужу встречный вопрос.

– Даниэль, ты что-то от меня скрываешь?

– О чем ты, любовь моя? – Даниэль, казалось, искренне не понимал, в чем дело.

– Кто такая Вика Лососева, и почему она зовет тебя «Дэнни»?

Озадаченное лицо Даниэля прояснилось, и он с некоторым облегчением выдохнул.

– Я уж думал, что-то серьезное произошло. Ты, наверно, прочитала сообщение от нее?

– Да, прочитала, – с вызовом бросила София. – Возможно, для тебя тут нет ничего серьезного, но лично мне все это кажется серьезнее некуда.

– Я как раз хотел с тобой это обсудить, но ты так сладко спала, что я решил отложить наш разговор. Мы с Дебби прогулялись на берег и поснимали миражи над океаном.

– Не морочь мне голову, – отмахнулась София. – Я знаю, что не должна была читать твою переписку, но так уж случайно вышло, что я пролила сок на твой ноутбук и все тайное стало явным. Так что лучше объясни, что все это значит.

Даниэль снова посерьезнел.

– Да, собственно, Вика зовет меня в очередную экспедицию.

– И куда же на этот раз?

– На Балтику, снимать кольчатых нерп. Хотя какая разница? Я же обещал тебе, что никуда больше не поеду.

– Ты собираешься сдержать обещание? – холодно спросила София.

– Конечно, Софи. Разве я тебя хоть раз обманывал?

Он произнес это с такой горечью в голосе, что Софии стало очень стыдно за свою слабость и недоверие. Теперь ей казалось, что она не имела права предъявлять претензии мужу. Она подумала, что просто хотела вызвать у него чувство вины. А в итоге сама чувствовала себя виноватой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.